

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Social Sciences and Psychology, Baku State University
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Tashkent Islamic University

PEOPLES OF EURASIA: HISTORY, CULTURE AND INTERACTION PROBLEMS

Materials of the VII international scientific conference
on April 5–6, 2017

Prague
2017

Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems: materials of the VII international scientific conference on April 5–6, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 104 p. – ISBN 978-80-7526-185-4

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Kyzylgul Ya. Abbasova, candidate of philosophical sciences, assistant professor of sociology department of Baku State University.

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior researcher applicant of Tashkent Islamic University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines history, culture and interaction problems of peoples of Eurasia. Some articles deal with the main stages of the formation of the ethnogenesis of the peoples of Eurasia. A number of articles are covered religion and interfaith relations, science, secular culture. Some articles are devoted to preservation of cultural heritage. Authors are also interested in the main vectors of political and economic cooperation of the Eurasian space.

UDC 94:008:316

ISBN 978-80-7526-185-4

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2017.
© Group of authors, 2017.

CONTENTS

I. THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF THE ETHNOGENESIS OF THE PEOPLES OF EURASIA

Koshymova A. O.

Oguzs in the ethnic history of Kazakh people..... 6

Saginayeva A. N.

The role of Kangly in the ethnical history of Koman-Kypshak people..... 9

II. FEATURES OF THE MATERIAL CULTURE

Şaxhüseynova S. A.

Arxeoloji qazintılar – regionun maddi mədəniyyətinin göstəricisi kimi
(azərbaycanın paleolit nümunələri əsasında) 13

III. THE ECONOMY AND WAY OF LIFE, ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT

İbrahimova Ş. H.

Azərbaycanda kənd təsərrüfatının inkişafı haqqında..... 17

Каримова К. Н.

Совершенствование применения функции контроля
в ООО «Луч» Балтачевского района 22

IV. RELIGION AND INTERFAITH RELATIONS, SCIENCE, SECULAR CULTURE

Котлова Л. А., Данилова Д. В.

Государственно-религиозная политика в Российской империи
по отношению к мусульманам в XVIII веке 25

Федорова Т. В., Степанов А. В.

Процесс формирования Русской Православной Миссии в Японии
во II половине XIX века 28

V. THE DEVELOPMENT OF WRITING AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF EURASIA

Белогривцева Н. И.

Текстоцентрический подход в исторической лексикологии
(на материале лексики эстетической оценки в западноевропейских
языках Средневековья) 33

VI. PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROBLEMS

Меликова М. Н.

Культурно-просветительская жизнь в странах Азии 39

Муйдинова М. М.

Шахсни ижтимоийлашувида маънавият ва миллий
кадриятларнинг ўрни..... 42

Муминова О. М.

К вопросу о культурном развитии Азии..... 44

Рахимбаева Д., Журазода Ф.

Комил инсон тарбияси ва унинг жамиятда тутган ўрни..... 47

Саегалиева Ф. Ф.

Таджикский и узбекский плов как часть общего культурного наследия.... 49

VII. PUBLIC RELATIONS AND THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SYSTEMS

Вдовина Э. Л., Кузнецова А. Д.

География геополитических конфликтов на Ближнем Востоке
и Северной Африке 52

VIII. ACTUAL ASPECTS OF INTER-ETHNIC RELATIONS

Игебаева Ф. А.

К вопросу межэтнического взаимодействия народов Башкортостана..... 57

Шипулина Н. Б., Сурьянинова У. А.

Восприятие Ирландии в современном российском культурном
самосознании..... 59

IX. THE HISTORICAL ROLE OF THE RUSSIAN NATION IN THE FORMATION OF THE EURASIAN CIVILIZATION

Mustafa D. A.

Russia's geopolitical role in the Middle East at the present stage
in the context of Syria..... 65

X. THE MAIN VECTORS OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE EURASIAN SPACE

Инамов Қ. Т.

Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашда
Ўзбекистоннинг Марказий Осиё давлатлари билан ҳамкорлиги 68

Инамов Қ. Т.

Диний экстремизмга қарши курашда Ўзбекистоннинг ўрни..... 71

Прокопенко Ю. А.

Особенности взаимодействия культур в Центральном Предкавказье –
периферии миров-экономик Византии
и Сасанидского Ирана в V–VI вв. 73

XI. THE INTERACTION OF VALUES OF EAST AND WEST AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF WORLD CIVILIZATION

Мирджалалова Э. Р.

Исследование арабо-мусульманской культуры в США:
история, анализ и достижения ученых 79

Собенникова И. О.

Взаимоотношения Азиатской и Европейской части России
со своими соседями в XIX – нач. XX вв. (на материалах сибирского
купечества) 86

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2017 году..... 98

Информация о научных журналах 100

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 101

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 102

I. THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF THE ETHNOGENESIS OF THE PEOPLES OF EURASIA

OGUZS IN THE ETHNIC HISTORY OF KAZAKH PEOPLE

A. O. Koshymova

*Doctoral applicant,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. In this article the issue of Oguz people's important role in formation of many Turk people is discussed. It is also discussed the ethnical closeness of Kazakh people with Oguz people and their relations. The author pays attention to the tribes of Kazakh three djuzs such as Zhalayir, Kangly, Kereit, Naiman etc. minor tribes which has Oguz ethnical components.

Keywords: Oguz; ethno genes; Kazakh; Zhalayir; Uyz khan; folklore.

Kazakh history is closely related to the history of tribes. This is because without researching the history of tribes of all three djuzs from the ancient times to the current days, we cannot say with confidence that the history of Kazakh people is written fully, and theories have been done completely. Therefore, one of demands of current days is investigate the history of people of the Great Steppe, which is closely related to the history of tribes of ancient times. In this term, we face the challenge to research the history of Kazakh tribes who spent many historical eras and which is considered as witness of tribal history, especially the ethno genetic and historical relations of tribes came from Oguz people.

While studying the issue of ethno genes archeological, toponyme, genetic, linguistic data can help along with folklore and recorded data. The word ethnical history means the history of ethnical community located in one specific geographical environment according to some ethnical processes. Accordingly, while studying it is necessary to consider their common religion, tradition, culture, world outlook, and political and territorial structure. This process continues during the whole history. Thus, formation of any ethnical group, their migration processes, merging with another ethnical group or their extinction is natural process. [1, p. 62–69]. Because the word “ethnic” which comes from the word “ethnos” means tribe, nation, people. They are born, develop, their ethnical component is completed, they extinct from the world and history. Gumilev L. N. describes the word “ethnos” as social and biological completion, it's a part of biosphere [5]. One of the main determination of ethnos is ethnical awareness. Culture, language, self awareness, self title describe ethnos.

J. Bromley claims that in case of scientific and technical revolution unity of mankind can be seen clearly, moreover, it has a complicated and comprehensive shape. "One of the specific manifestations of this diversity is represented by ethnics or ethnic communities, which nowadays usually include all kinds of

peoples of the world: nations, nationalities, tribes, ethnic groups, etc. According to the most conservative estimates, modern mankind inherited from the past two-three thousand ethnic communities " – he says [4, p. 3].

In general, every country or nation, tribe has its origin. Therefore, Oguz people are generations of previous tribes and continuous historical chain; they had influence on the formation of modern people's ethno genes. Thus, it is important to study the origin of Oguz people, before discussion about their modern generations. "If the existence among Turk people names of some ancient tribes which have start from Neolith period is a rule, existence of several steppe tribes' unity has sacral connection" – says Baizhumin J. – "The similarity to the ancient tribal community in the society of Turan let us call them similarly... "Seven tribes" tribal community lives in the previous Central Eurasian steppe. They are West Kazakhstanis tribes such as Tama, Tabyn, Kerderi, Kereit, Ramadan, Zhagalbaily, and Teleu" [3, p. 74].

"According to genealogy of Kazakh people, Kazakh people's ancestors are legendary Alasha-Khan and Oguz Khan (Uyz Khan). According to genealogy of Mashhur Zhusup Kopeev Uyz Khan is cultural hero. He writes: "We are Uyz Khan's generations. According to Uyz Khan's desire the first "kiiz ui" (traditional Kazakh tent) was made. In the work of Abilkasymov "Turk genealogy" it is clear that Oguz Khan ordered to build golden house, and in the book "Kazakh origin" Uyz Khan (in Kazan copyright it is shown as Oguz Khan) the house was yurt" [6, p. 13].

Generally, any nation's formation is a result of merging with other nation. For example, we can say that Oguz confederation was formed as a result of assimilation with local and migrated elements and ethnical synthesis. It contains defeated Pecheneg-Kangar people and other tribes lived near Syrdarya, Aral, North Caspian sea. We could find Indo-European races among them. Namely, they are Alan and Astar people from Aral sea and east coast of Caspian sea. Furthermore, Badjgar, Nukard, and Badjna people who lived west coast of Aral in 6-9 centuries before Oguz people came, have experienced the same process of assimilation. "Oguz State (9–11 centuries) in the South Kazakhstan territory united ethnical groups of Syrdarya – Kangly, Kangar, Pecheneg, Aral and Caspian tribes – As and Alan, and nomad Turk tribes migrated from Zhetisu to the west (including Karluk and Khaladja, Chagra and Charuk tribes)" [11, p. 52].

The work of Kashkari M. "Tubi bir Turk tili" has information about Turk tribes such as Oguz, Shygyl, Yagma, Karluk, Tuhsi, Turkmen, Kyrgyz, which was base for formation of Uzbek, Kyrgyz, Turkmen, Uygyr, Karakalpak, Bashkurt, and Kazakh people in Medieval period and their tribal languages, dialects.

In the three Kazakh djuzes major tribes which have Oguz components are Zhalaiyr, Kangly, Kereit, Naiman etc. In the book of history of Kazakh USSR (1 volume) we can find the following lines: "Oguz tribes were one of the components which formed Kazakh and other Turk speaking people. Oguz ethno names can be found in Kazakh tribes of Little and Middle djuzes.

In the 10 century majority of Oguz tribes located in the steppes of Aral and Caspian seas. Masudi says that in deserts near Khazar sea many Oguz tribes lived. ...the territory and border of Oguz people in the west has reached south part of Aral and lower point of Volga river. Oguz tribes which migrated to Zhaiyk and left coast of Volga had border with Bashkurt tribes” [9, p. 371].

Kurbangali Khalid in his work shows that Zhalaiyr tribe of Kazakh people came from Oguz: “Zhalaiyr is Turk tribe came from Oguz: in the 12 century around ten tribes were united, and in 13 century they migrated to Zhetisu region. In the period of Temir some people of Zhalaiyr tribe played political role. They had the same respectful place among Kazakh tribes as Uisin people” [8, p. 293]. Uferev V. says that Kangly people who lived near Syrdarya river, when Oguz people came to their territory, a part of them stayed, while other part migrated.

“Kazakh genealogy peremptory states his right on Oguz Khan, ancestor, basis of the Kazakh ethnic group. Kazakh sources, informing about many connections of Oguz people with late nomads has no doubt. Oguz is founder of people” [2, p. 68].

In the genealogical structure of the ancient Oguzes compiled by Rashid ad-din, the Yaraz, Duker, Durg and Oerli tribes are united in the ay-moon branch (or crescent), named after the second son of Oguz. Tamga-crescent (ay-tamga), characteristic of the tribal formations of ay and sart-ay in a number of peoples, is also probably Ancient Oguz. S. P. Tolstov, for example, considers the ay-tamga to be the totem of the Turkmen tribe ali-eli, to which the origin of the clan of ayah originates. Consequently, the tribes (or clans) of ay in the composition of all the Turkic peoples are based on the Oguz origin [7, p. 195]. There is a theory that Yaraz mention by Rashid-ad-din can be Zhappas in Little djuz [10, p. 12–16].

To conclude, Oguz presented in Turk people’s ethno genes has its role in Kazakh people’s ethno genes as well. It is clear that using historical and recorded data, investigating Oguz in Great, Middle, and Little djuzes of Kazakh people in scientific way can unfold many interesting facts of our history.

Bibliography

1. Anfertiev A.N. Prolegomena to the study of ethnic history // Ethnoses and ethnic processes. - M.: Oriental literature, 1993. - P. 62-69.
2. Artykbaev Zh.O. Historical heritage of Mashhur Zhusup Kopeev.- Pavlodar, 2004. - 216 p.
3. Baizhumin Zh. Turan. Approach to the history of human society. 3-book. Almaty: “Arys”, 2013. - 170 p.
4. Bromley Yu. Essays on the history of ethnos. - M.: Nauka, 1983. - 413 p. 5. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. - M.: Di-Dick, 1997. - 542 p.
5. Zhusipova L. K. Mashhur Zhusip Kopeev's "Kazakh tubi" - as a source of historical data. Abstract of thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences. - Almaty, 2002. - 32 p.
6. Kuzeev R.G. The origin of the Bashkir people (ethnic composition: the history of settlement). - Ufa: DesignPoligraphService, 2010. -560 s.
7. Kurbangali Khalid. Tauarih Hamsa (Bes tarih). Translated by B.Totenaev, A. Zholdasov. - Almaty: Kazakhstan, 1992.
8. History of the Kazakh SSR. - Almaty, 1980. - Vol. 1. - 371 p.

9. Mengilbaev G.A. The history of nomadic tribes sign / Bulletin of KazNPU. Series "Historical and Socio-Political Sciences" № 1 (24), 2010. - 12-16 pp.
10. Pischulina K.A. Territory. History of ethnic phenomena on the territory of Kazakhstan in the steps away from the world of the Middle Ages and early // Kazakh. - Almaty: "Bilim" 1994. - 172 p.

THE ROLE OF KANGLY IN THE ETHNICAL HISTORY OF KOMAN-KYPSHAK PEOPLE

A. N. Saginayeva

*Doctoral applicant,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. In this article we aim to determine the role of Koman-Kypshak people of Kangly in the ethnical history. As a result of the migration in the territory of Eurasian steppe between the 8 and 13 century the formation of new ethnical groups during the assimilation of people will be discussed.

Keywords: Koman-Kypshak people; Kangly; Medieval; ethnical history.

In the process of migration in Medieval era, in the territory of Kazakhstan in the 8–13 century Ogyz, Kimak, Koman-Kypshak, Kangly, etc. nomad tribes were settled using the steppes of Eurasia and its natural resources and adapting to socially and culturally. They were engaged with nomadic agriculture and formed one cultural environment. The nomadic lifestyle was the main mean of living, while agriculture is the additional one for the several centuries, even for millennium of the people settled in the territory of Kazakhstan. Because natural condition didn't allowed to all people to farm and to lead settled lifestyle.

Moreover, between 8 and 13 century people led nomadic lifestyle because of some (geographic, economic, political etc.) factors to make better their life. In that uneasy period it was difficult to safe ethnical unity and as a result of migration in the territory of Eurasian steppe new ethnical names were formed because of relations of tribes.

According to viewpoints of some scientists of general ethnical processes, the completed type of ethical society is society which has one territory and language, common cultural and physiological features and as the result of economical relations formed step by step in the historical period. болады [1, p. 29].

Thus, on the basis of such relations one nomadic community which was formed step by step in the territory of Eurasia is Koman-Kypshak.

In the 9–12 centuries Kangly people were assimilated with Ogyz people near Aral sea, then had to have relations with Kypshak people.

Till today the opinions of researchers on the ethno names of "Kangly", "Kypshak" differs, it still needs the investigation. According to Persian historian of Medieval era Rashid-ad-din who associate the ethno name "Kangly" with trolley, in the period of Ogyz Khan the trophies from defeated countries were

carried by trolleys invented for them by their relatives, the trolley in Turkish language was “kangkyly” [2, p. 497]. He says that Uigur, Kypshak, Karluk, Kalash, Agasher people were among those tribes which related to Ogyz.

Kazakh genealogist and historian Sh.Kudaiberdiuly confirms this viewpoint: “The word Kangly means trolley, people called Kangly among Uigur people had many Beks”. As far as Kypshak is concerned, the scientist says: “Kypshak was separated from Kangly and migrated to empty land, therefore they were called Kypshak. The meaning is empty, desert, without people. Far before Chingizkhan’s period, they lived near Zhaiyk and Volga rivers and were led by Zhoshy Khan. By their name they were called Deshti Kypshak” [7, p. 35].

It is well-known that in the Chinese data union of Pecheneg people in the West was called as “Kangly”, “Kangu”. “Most of Kypshak people were called Kangly as well. In order to conquer totally the cities of Kangly near Syr river, Kypshak people called themselves Kangly. The aim was to become legal owner of this region. Anyway, it was difficult to separate Kangly from Kypshak people in the Medieval period. Therefore, while describing these tribes, historians use the term union of Kangly-Kypshak” – says famous Kazakh historian Omarbekov T.O. who studies the history of Kazakh tribes [4, p. 6].

Academic Omarbekov T.O. relies on Chinese data while researching Kangly tribal compound, and comparing 12 tribes composed Gaogiu ancestors and 12 Arys composed Kangly people, offers the theory that ancestors of Gaogiu “dili” or “tele” are Kangly people [4, p. 148].

The issue of ethnical connections of Koman-Kypshak and Kangly in the beginning of 11–13 centuries was written by Muslim authors as well. For example, in 11 century Mahmud Kashkari who made a list of Turkish words says that “Kangly is a name of the greatest person of Kypshak” [5, p. 27].

In general, in Islamic data of this period Kangly and Kypshak ethno names were used as synonyms [9, p. 39–40].

According to record of Djuvaini who described the conquest of Mauerenahr by Mongol people, one of commanders of Mongol army after defeating Sharkent (Yangikent) headed to Karakorum. As Djuvaini mentioned this event which happened in the beginning of 13 century, is about Turkish Kangly people’s capital located on lower flow of Syr river and close to Zhent. According to viewpoint of Mr.Muhamed Kazvini who published Djuvaini’s work, Karakorum could be Karakum [3, p. 485]. Anyway, this fact proves that Kangly people located and had their capital on the lower flow of Syr river before Mongol attack.

In European data, namely, Franciscan Rubruk G. who traveled to the capital of Mongol wrote that Komans were called as Kangly [10, p. 102]. Moreover, Karpini P. who traveled to Mongol’s territory in his records says that he crossed Koman people’s land and headed to the area of Kangit (Kangly). This means that Kangly and Koman people were neighbors and he mentions that they farmed and lived in tents (kiiz ui) [10, p. 63–64].

In the first half of 11 century one major group of Turkish tribes of Tele tribal union Kun and Kai were forced to migrate from Mongol steppe to the west

by Kidan people. Orientalist and Turkologist Klyashtorny S. G. says that even though during this migration Kun and Kai people didn't have any relations with Kypshak people, on the basis of interaction of tribes in the new formed community two main groups left: Kun-Koman and Shary-Kypshak (Polovtsy) [6, p. 137]. According to scientist's opinion, the steppe outstretched to the west from Ertis river was called "Kangly and Kypshak country" along with migration Deshti Kypshak close to Aral sea in the 12 century. Near Syrdarya and Oral Kypshak had their capitals, and in 12 century they shared the power with Khans from Kangly tribe.

Famous researcher of Kypshak people and scientist B. E. Komekov believes that relations of Kypshak people with different ethnical groups had influenced on their own ethnical unity. As a result of political strengthening many tribes and ethnical groups (Kangly, Kimek, Koman, Karluk, Ogyz, Shigil, Pecheneg, Uran, Kai, Azkishi etc.) admitted they belong to one ethnos and accepted Kypshak ethno name, and called themselves Kypshak [8, p. 17].

To determine the role of Kangly people in the ethnical history of Koman-Kypshak investigating many data and researches we conclude that even though Kangly was included in Kypshak union, they weren't called Kypshak. As a prove we offer the existence of the term Kangly-Kypshak and the fact which says that relying on Mongol data scientist S. G. Klyashtorny called the land expanded from Ertis to the west as Kangly and Kypshak country.

Moreover, as in history of 11–13 century in Eurasia Kypshak had political power, many tribes and ethnical groups such as Kangly, Kimek, Karluk, Ogyz, Shigil, Pecheneg, Uran, Kai, Azkishi etc. admitted they belong to one ethnos. They accepted the ethno name Kypshak, we are sure on theories made on basis of data that they are known as Kypshak.

Bibliography

1. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnosociology. Moscow: Aspect-Press, 1998. – 271 p.
2. Extracts from «Dzhami at-Tavarikh» by Rashid ad-Din // Materials on the history of Turkmen and Turkmenistan. T.I. VII-XV centuries. Arab and Persian sources. Ed. S.L. Volina, A.A. Romaskevich, A.Yu. Yakubovsky. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. – 612 p.
3. Extracts from the «Tarih-i-dzhehangusha» Ala-ad-Din Ata-Melik Juvaini // Materials on the history of Turkmen and Turkmenistan. T.I. VII-XV centuries. Arab and Persian sources. Ed. S.L. Volina, A.A. Romaskevich, A.Yu. Yakubovsky. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. – 612 p.
4. History of the Kazakh clans and tribes. T.XII. Kangly. Almaty: Alash TZO, 2008. – 732 p.
5. Kashgari M. Turkic languages («Diwan Lughat at-Turk»). Almaty: Ana tili, 1993. – 192 p.
6. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2004. 2-nd ed., Correct. and additional. – 368 p.
7. Kudayberdyuly Sh. Turkish, Kyrgyz, Kazakh and their khans Chronicle. Almaty: Kazakhstan; Sana, 1991. – 80 p.

8. Kumekov B.E. Kipchak studies-conceptual scientific direction of the Eurasian scale // Materials of international scientific conference of the Kipchaks of Eurasia: history, language and written monuments. Astana, 2013. – 430 p.
9. Kuzembaev N. E. History of the study of the Kipchak tribes in Russia (XVIII - XX centuries). Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Pavlodar, 2008. – 168 p.
10. Travel to the eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk. Almaty: Gylym, 1993. – 245 p.

II. FEATURES OF THE MATERIAL CULTURE

ARXEOLOJİ QAZINTILAR – REGIONUN MADDİ MƏDƏNİYYƏTİNİN GÖSTƏRİCİSİ KİMİ (AZƏRBAYCANIN PALEOLİT NÜMUNƏLƏRİ ƏSASINDA)

S. A. Şaxhüseynova

*Fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru, dosent,
Azərbaycan Dövlət Mədəniyyət və İncəsənət
Universiteti,
Bakı şəhəri, Azərbaycan*

Summary. In the article "Archeological excavations - as an indicator of the material culture of the region (based on the materials of Paleolithic in Azerbaijan)," the samples of material culture found on the territory of Azerbaijan in the era of Paleolithic are considered in stages. In the center of attention is the 10-layer Azikh, in the VII–X layers of which the lower Paleolith is found, including ancient Achel (VI layer), where more than 2,000 stone products were discovered the middle Ashel (V layer), the middle Paleolith – Moustier (III layer). The average Paleolithic also represents other caves in which samples of material culture have also been discovered.

Keywords: archeological excavations; material culture; Paleolith in Azerbaijan; multi-layered Azykh cave; Guruchay culture; Gobustan.

Azərbaycan ərazisində bəşəriyyətin bütün tarixi dövrlərini, o cümlədən, hətta Paleolitə ilk mərhələsi olan alt Paleoliti – Quruçay mədəniyyəti adlanan dövrü əhatə edən çox sayda maddi mədəniyyət qalıqları aşkar edilmişdir.

Azərbaycanın Füzuli rayonunun 16–17 km-də, Quruçayın sol sahilində yerləşən Azıx mağarasında Azərbaycanda Paleolitə bütün dövrlərini ardıcıl əks etdirən 10 arxeoloji təbəqə mövcuddur. "Mağara düşərgələri arasında stratigrafik cəhətdən belə ardıcılıq hələlik dünyanın heç bir düşərgəsində qeydə alınmamışdır" [2, s. 49].

Azıx paleolit düşərgəsinin VII-X təbəqələrinə aid olan Quruçay mədəniyyəti Olduvay mədəniyyəti ilə müəyyən ümumi xüsusiyyətlərə malik olub, Azərbaycan ərazisində ibtidai icma quruluşunun ilk mərhələsi sayılır. Olduvay mədəniyyətinin bənzəri sayılan və 1,5 milyon ildən artıq yaşı olan Quruçay mədəniyyətinin Azıxda 1,2 milyon il bundan əvvəl başlayıb və 700 min il əvvəl sona çatması məlumdur. Məhz bu təbəqələrdən 212 daş məmulatı – kobud çapma alətlər, kobud çapacaqlar, qaşovlar, qəlpələr və s. tapılmışdır.

Azıx mağarasının VII–X təbəqələrindən əsasən hazır əmək alətləri tapıldığından arxeoloqlar belə nəticəyə gəlmişlər ki, "əmək alətlərinin əksəriyyəti mağara düşərgəsindən kənarında hazırlanmış və sonradan Azıx paleolit düşərgəsinə gətirilmişdir... Deməli, qədim Azıx düşərgəsinin sakinləri mağarada məskunlaşmamışdan çox-çox əvvəl Quruçay vadisində yaşamış, ...müəyyən vaxtdan sonra Azıx düşərgəsinə köçmüşlər" [1, s. 124]. Alimlər burada 1,5

milyon, hətta "2–2,5 milyon il əvvəl sivilizasiyanın olduğu barədə fikirlər söyləyirlər" [1, s. 49].

Azıx mağarasının VI təbəqəsində artıq alt Paleolitə digər mərhələsi olan qədim Aşel mədəniyyətinə aid maddi mədəniyyət nümunələri, həmçinin ocaq yeri aşkar edilib. Qədim Aşel mədəniyyətinə aid təbəqədən tapılmış 2 mindən çox daş məmulatı içərisində əsas yeri kobud çapma alətlər, əl çapacaqları, qalın qəlpələr üzərində hazırlanmış əmək alətləri, diskşəkilli nukleuslar (nüvələr) və qaşov tipli alətlər tutur [2, s. 50–51]. Bu təbəqədən tapılmış daş məmulatlarının 593-ü əmək alətləridir [1, s. 146]. Belə tapıntıların Qazax rayonunun Qayalı, Acıdərə və Şişqüzey açıq paleolit düşərgələrində, tək-tək də olsa Lerikdə, Kəlbəcərdə və Naxçıvanda qeydə alınmasına baxmayaraq "Azərbaycan, o cümlədən, bütün Qafqaz və yaxın Şərqi ərazilərindən ancaq Azıx düşərgəsinin V və VI təbəqələrindən Aşel mədəniyyətinə aid ən zəngin maddi mədəniyyət nümunələri aşkar olunmuşdur" [3, s. 9–10]. Alimlər güman edir ki, məhz qədim aşel dövründə insan ilk universal əmək aləti olan əl çapacaqlarını yaradıb.

Qədim Aşel dövrünün orta Aşellə əvəz edildiyi V təbəqədən "tapılmış daş alətlərin əsasını kobud çapma alətləri və əl çapacaqları təşkil edir. Bu təbəqədən cəmi 289 ədəd daş məmulatı qeydə alınmışdır. Daş məmulatı arasında müxtəlif klekton tipli alətlər də vardır" [2, s. 50].

Azıx mağarasının orta Aşel dövrünə aid V təbəqəsində ocağın yanında əhəng daşlarından qurulmuş divar qalıqlarını memarlıq tariximizin ilk səhifəsi hesab edirlər. Təsədüfi deyil ki, dünya memarlıq tarixi də orta Aşel dövründən başlayır. Bu, Fransa ərazisində mövcud olan Terra-Amata düşərgəsindəki tikinti yeri ilə əlaqədardır. "Azıx və Terra-Amata mağara düşərgəsində aparılan arxeoloji tədqiqatlar zamanı qeydə alınmış ibtidai tikinti yeri hazırda ən qədim tikili yeri sayılır və ilk memarlığın tarixi də bu zamandan, yəni orta Aşel mədəniyyəti dövründən hesab olunur" [1, s. 259–260]. M. Hüseyinov primitiv tikinti rüşeymlərinin daha qədim olması ilə bağlı yazırdı ki: "Olduvay insanı oddan hələ müstəqil istifadə edə bilməsə də, 2 milyon il əvvəl daşdan süni divarlar yaradıb" [4, s. 51].

Orta Paleolitə Mustye mərhələsini təmsil edən Damcılı mağarası Azərbaycanda Paleolitə ilk tapılan nümunəsidir. Qazax rayonunda, Avey dağının qoynunda yerləşən "Damcılı mağarasında aparılan arxeoloji kəşfiyyat işləri zamanı düşərgənin çöküntülərindən... maddi mədəniyyət nümunələri tapılmışdır... çöküntülərdən əvvəlcə Orta əsrlər və tunc dövrlərinə aid gil gab qırıqları tapılmış... aşağıya doğru getdikcə maddi mədəniyyət qalıqlarının sayı artmağa başlamışdır" [1, s. 21, 30]. Damcılı mağarasındakı çöküntü qarışıq olduğu üçün onun stratiqrafiyasını təyin etmək mümkün olmamışdı. Tunc və Orta əsrlər dövrlərində mağaranın çöküntüləri dağıdılmış və maddi mədəniyyət qalıqları bir-birinə qarışmışdır. Avey dağının qoynunda digər Mustye düşərgəsi olan "Daşsalahlı mağarasında aparılan arxeoloji qazıntılar zamanı "354 ədəd daş məmulatı... tapılmışdır" [1, s. 32].

Mustye mədəniyyəti Azıx mağarasının 3-cü təbəqəsinin tərkibində də müəyyən edilmişdir. "Burada daş məmulatları və Mustye mədəniyyətinə aid 2 ədəd

əl çapacağı tapılmışdır" [1, s. 84]. Bu təbəqənin daş məmulatları içərisində zəngin əmək alətləri qeydə alınmışdır. Əl çapacaqlarının məhz bu təbəqədən tapılması Azıx mağarasının 3-cü təbəqəsinin "Azərbaycanın orta Paleolit düşərgələrinin içərisində ən qədim Mustye məkanı olmasını sübut edir" [1, s. 207].

Qarabağın Tuğ çökəkliyində Quruçayın sol sahilində, Tuğ və Tağlar kəndləri arasında yerləşən Tağlar mağara düşərgəsi Qarabağın ən mənzərəli və səfalı düşərgələrindən olub, "Yaxın Şərqi və Qafqaz ərazisində mustye mədəniyyətinə aid ən möhtəşəm və zəngin maddi mədəniyyət nümunəsidir" [1, s. 208]. Tağlar Mustye düşərgəsi həm də adı şəkildən ərazilərdə yeganə abidədir ki, "burada yaşayış uzunmüddətli olmuşdur və tapılan əmək alətləri zəngin tarixə malikdir. Buradakı əmək alətlərinin inkişaf və yaranma tarixinin öyrənilməsi Azərbaycanda Mustye mədəniyyətinin özəl xüsusiyyətlərinin olmasını göstərdi. Tağlarda paleolit dövrü üçün yeni əmək alətləri qeydə alınmış və onlara Tağlar tipli əmək alətləri adı verilmişdir. Həmin alətlər olduqca zərif hazırlanmışdır" [2, s. 54]. Çöküntülərdə 6 mədəni təbəqə qeydə alınan Tağlar düşərgəsinin II-VI təbəqələrindən Mustye mədəniyyətinə aid maddi mədəniyyət nümunələri aşkar olunmuşdur. I təbəqədən isə Orta əsrlər, Tunc və Eneolit dövrlərinə aid gil qab qırıqları tapılmışdır [2, s. 54]. "Çoxtəbəqəli Tağlar Paleolit düşərgəsində aparılan arxeoloji qazıntılar zamanı 8 mindən artıq daş məmulatı tapılmışdır" [1, s. 210]. Tağlar paleolit düşərgəsinin Yaxın Şərqi ərazisində "əsas arxeoloji mədəniyyət mərkəzi olması və Tağlarda hazırlanmış əmək alətlərinin hələ Mustye mədəniyyəti dövründə Yaxın Şərqi ölkələri (İran və İraq) ərazisində yayılması müəyyən olunmuşdur" [1, s. 217, 264].

Azərbaycanda Mustye dövrünə aid digər nümunə Naxçıvanın Şərur rayonu ərazisində, Tənənəm kəndi yaxınlığındakı Qazma dərəsində yerləşən Qazma mağarasıdır. Mağaradan çoxlu miqdarda tapılmış maddi mədəniyyət qalıqları bu ərazidə insanların uzun müddət yaşadığını göstərir. Aşkar edilmiş 353 daş məmulatı Qazma mağarasının Mustye dövrünə aid daş sənayesinin elə də zəngin olmadığını göstərir [5, s. 169].

Lerik rayonu ərazisində, Zuvand çayının sol sahilində yerləşən Buzeyir mağarası da Mustye dövrünün yadigarıdır. Burada 50-yə yaxın daş məmulatı aşkar edilmişdir [1, s. 44].

Külli miqdarda daş məmulatları Azərbaycanın yerüstü (açıq) paleolit düşərgələrindən olan Qayalı, Şişqüzey, Qədirdərə, Kəmərli, Köçəsgər və s. ərazilərdə də qeydə alınmışdır.

Azərbaycanın üst Paleolit dövrü, əsasən, Tağlar (II təbəqə), Damcılı mağarası, Yataq yeri (Qazax rayonu), Zar açıq yaşayış məskənləri, Qobustan ("Qayaarası") düşərgələri ilə təmsil olunur. Azərbaycan ərazisində aparılan arxeoloji tədqiqatlar nəticəsində üst Paleolitə aid ən çox daş alətlər Tağlar düşərgəsinin II təbəqəsindən (170 ədəd) və Qobustanın "Qayaarası" düşərgəsindən tapılmışdır. Qobustanın Paleolit düşərgələrinə aid mədəni təbəqələrindən böyük miqdarda daş məmulatları və heyvan sümükləri ilə əhatələnmiş ocaq qalıqları aşkar edilib. Qobustanın 92 ədəd daş məmulatı içərisində üst Paleolitə aid əmək alətləri - qaşovcuq (7 ədəd), bıçaq, biz, kəsici,

şatelperron tipli alətlər (6 ədəd) və yalnız Qobustanın "Qayaarası" düşərgəsindən qeydə alınmış mikrolit alətlər (54 ədəd) diqqəti cəlb edir [1, s. 238, 240, 242].

Beləliklə, yazıyaqədərki dövrün öyrənilməsində maddi mədəniyyət qalıqları olan qədim yaşayış yerləri, təsərrüfat və məişətə aid tapıntılar - alətlər, silahlar, qablar, bəzək əşyaları və s. mühüm rol oynayır.

Bibliografik siyahı

1. Azərbaycan arxeologiyası. 6 cildə, I cild. - Bakı.: "Şərq-Qərb", 2008.-448 s.
2. Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. I cild (Ən qədimdən - b.e. III əsri).-
3. Bakı.: "Elm", 2007. - 560 s.
4. Vəli Baxşəliyev. Azərbaycan arxeologiyası (Ali məktəb tələbələri üçün vəsait). –Bakı.: "Elm", 2007. - 239 s.
5. Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. - Б., 1985
6. Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. - Б., 1999.

III. THE ECONOMY AND WAY OF LIFE, ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT

AZƏRBAYCANDA KƏND TƏSƏRRÜFATININ INKIŞAFI HAQQINDA

Ş. H. İbrahimova

*Coğrafiya elmləri namizədi, dosent,
Azərbaycan Milli Elmlər
Akademiyası İqtisadiyyat
İnstutunun dissertantı,
Bakı, Azərbaycan*

Summary. In article it is analyzed tendencies of development of agriculture of Azerbaijan after obtaining independence. Agriculture isn't not only a component of economic security of the country, creating food stocks and raw material resources for the industry, but also plays an exclusive role in development of national economy. This branch at the same time provides employment of the population living in rural areas, the level of his life, development of demographic processes, acts in development of rural territories as the main sphere.

Keywords: Agricultural industry; efficiency; production; export; economy; social and economic development.

Keçmiş sovet respublikalarının hamısında olduğu kimi, Azərbaycanda da, müstəqillik qazanandan sonraki ilk 5 il ərzində iqtisadiyyatın bütün sahələrində, o cümlədən kənd təsərrüfatında ciddi geriləmə olmuşdur. Məlumdur ki, belə iqtisadi geriləmənin səbəbi SSRİ-də iqtisadi və sosial əlaqələrin qurulma mexanizmi idi. Belə ki, o dövrdə respublikaların iqtisadiyyatında mərkəzləşdirilmiş qaydada ixtisaslaşma müəyyənləşdirildiyindən və məhsulların satışı təşkil edildiyindən əlaqələrin qırılması bütün məhsullar üzrə, o cümlədən ərzaq və gündəlik tələbat malları üzrə həm təminatda, həm də satışda ciddi problemlər yaratmışdır. Belə problemlər xüsusən də iqtisadiyyatı öz mənafeyindən çox mərkəzin mənafeyinə uyğunlaşdırılmış respublikalarda özünü daha kəskin göstərmişdir. Həmin dövrdə Azərbaycanın əsasən mərkəzə (xüsusən də Rusiyaya) göndərdiyi üzüm, tütün, pambıq kimi məhsullar satılmadan anbarlarda qaldığından ildən-ilə bu sahələrdə əkin və istehsal azalmış, nəticədə yalnız yerli bazarda satılan bilən həcmdə və tərkibdə məhsullar əkilməyə başlamışdır. Əlaqələrin qurulma mexanizmi təkəcə istehsal olunan məhsulların satış problemini yaratmamış, həm də yerli istehsal olunmayan məhsulların qıtlığına səbəb olmuşdur. Bir sözlə, əvvəllər bir ölkənin tərkibində olan respublikalar artıq mərkəz olmadığından, öz aralarında əlaqə qura bilmirdilər, yaxud da qurmaq istəmirdilər. Nəticədə 90-cı illərin əvvəllərində bütün respublikalarda, o cümlədən də Azərbaycanda iqtisadi və sosial sahədə böhran olmuşdur. Kənd təsərrüfatında olan böhran isə qıssa müddətdə bütün sahələrə özünün mənfi nəticəsini göstərmişdir.

İqtisadiyyatın mühüm sahələrindən olan kənd təsərrüfatı ərzaq təhlükəsizliyi və sənayeni xammalla təmin edərək milli iqtisadiyyatın dayanıqlı inkişafını təmin etməklə yanaşı çoxfunksiyalı olmaqla daha geniş iqtisadi və sosial problemlərin həllinə imkan yaradır. Bu sahə kənd ərazilərinin inkişafı, kənddə yaşayan əhalinin məşğulluğunun artması, həyat səviyyəsinin yüksəlməsi ilə yanaşı bütövlüklə sosial-demoqrafik proseslərin inkişafı üçün şərait yaradır. Həmçinin kənd təsərrüfatının inkişafı mədəni-tarixi ənənələrin saxlanması, ətraf mühitin qorunması, sosial infrastrukturun inkişafı, ekoloji-landşaft şəraitin saxlanılmasında çox mühüm polə malikdir [3, s. 16]. Müstəqilliyimizin ilk illərində kənd təsərrüfatında yaranmış vəziyyət ərzaq malları bazarında gərginliyin artmasına, əhalinin məşğulluğunun və həyat səviyyəsinin aşağı düşməsinə səbəb olmuşdur və çıxış yolu kimi torpaqların özəlləşdirilməsi labüd olmuşdur. Bu səbəbdən 1996-cı ildə kolxoz və sovxozların torpaq və əmlakının bu dövrdə kənd yerlərində yaşayan əhali arasında bölünməsi haqqında qərar qəbul edilmiş və islahat 1999-cu ildə başa çatmışdır. Elə həmin dövrdən başlayaraq ölkənin kənd təsərrüfatı məhsullarının istehsalı ildən-ilə artmış, ərzaq təminatı yazxışlaşmış, bu məhsulların idxalda payı aşağı düşməyə başlamışdır. Artıq hazırda Azərbaycan özünün ərzaq təhlükəsizliyini demək olar ki, təmin etmiş, eyni zamanda bəzi məhsullar üzrə ixracı ildən-ilə artırmaqdadır. Azərbaycanda kənd təsərrüfatının sovet dövründə, müstəqilliyimizin ilk onilliyində və hazırkı vəziyyətini Cədvəl 1 aydın göstərir.

Cədvəl 1.

Azərbaycanda bitkiçilik məhsulları üzrə istehsalın dinamikası (min ton)

Əsas məhsulların istehsalı	İllər			
	1985	1995	2005	2015
Dənli və dənli paxlalılar	1297,9	921,4	2126,7	2999,4
Pambıq	787,8	274,1	196,6	35,2
Tütün	60,0	11,7	7,1	3,5
Kartof	219,7	155,5	1083,1	839,8
Tərəvəz	872,2	424,1	1127,3	1275,3
Bostan bitkiləri	48,6	41,9	363,8	484,5
Meyvə və giləmeyvələr	346,4	324,4	625,7	888,4
Üzüm	1789,6	308,7	79,7	157,1
Çay	31,7	9,4	0,7	0,6
Cəmi	5453,9	2471,2	5610,7	6683,8

Mənbə: Azərbaycan Respublikası Dövlət Statistika Komitəsinin (bundan sonra AR DSK) məlumatları

Cədvəldən görüldüyü kimi 1995-ci ildə 1985-ci il ilə müqayisədə nəinki əsasən başqa respublikalara göndərilən məhsullar, hətta taxıl istehsalında da azalma olmuşdur. Halbuki sovet dövründə ölkədə istehsal olunan taxıl yerli tələbatın təqribən 50%-ni təşkil edirdi və qalanı müttəfiq respublikalardan alınır. Əvəzində başqa respublikalarda, xüsusən də Rusiyada yetişdirilmə arealı kiçik olan (üzüm, tütün, tərəvəz, meyvə) və ya olmayan (pambıq, çay)

kənd təsərrüfatı məhsullarının istehsalı çox idi ki, həmin məhsullar ya ilkin emaldan keçmiş, ya da təzə halda respublikadan kənara göndərilirdi. Məsələn pambığın 34%-i, tərəvəzin 43%-i, üzümün 13 %-i, tütünün 80%-i, meyvələrin 6%-i respublikadan kənara göndərilirdi. Eyni zamanda qeyd etmək lazımdır ki, emal müəssisələrinin istehsal rayonlarında yerləşməsi tələb olunduğundan üzümün 77%-in ölkədə ilkin və ya son məhsula çevrilməklə emal edilsə də, sonda məhsulların böyük hissəsi respublikadan kənara aparılırdı. Yəni Azərbaycanın kənd təsərrüfatının ixtisaslaşması elə istiqamətdə qurulmuşdur ki, əlaqələr qırılanda ərzaq çatışmamazlığı labüd idi. Eyni zamanda cədvəldən görüldüyü kimi 1995-ci ildə bütün sahələrdə, o cümlədən də ölkə ehtiyaclarını ödəməyən taxıl istehsalında azalma bu sahədə olan böhranı daha da dərinləşdirmişdir. Nəticədə müstəqilliyimizin ilk illərində əvvəlcə taxıl, sonra isə şəkər qıtlığının yaranması ilk növbədə taxıl əkinini artırmağı, həmçinin ölkədə əkilməyən şəkər çuğundurunun əkininə başlamağı zəruri etdi. Paralel olaraq əvvəlcə İran, Türkiyə kimi yaxın, sonralar tədricən daha uzaq ölkələrlə iqtisadi əlaqələrin qurulması ərzaq təminatında idxalın payını artırırdı ki, bu da kənd təsərrüfatı məhsullarının istehsalına mənfi təsir edirdi. Artıq 2000-ci ildən başlayaraq ölkədə islahatların nəticəsi özünü göstərmiş və cədvəldən görüldüyü kimi 2005-ci ildə göstərdiyimiz məhsullar üzrə ümumi istehsal 1985-ci ildə olan səviyyədən 2,9 % , 2015-ci ildə isə 22,6 % çox olmuşdur. Lakin qeyd etdiyimiz kimi ölkənin taxıl ilə tələbatını ödəmək prioritet hesab olunduğundan taxıl əkinləri genişləndirilmiş, qalan məhsullardan isə ixracı mümkün olan kartof, tərəvəz, bostan bitkiləri və meyvə istehsalı artmışdır (müvafiq olaraq 3,8 dəfə, 46,2 % , 10 dəfə, 2,6 dəfə). Artıq ölkədən kənarda satış bazarları itirildiyindən və yerli emal müəssisələrinin qismən və ya tamamilə işləməməsi səbəbindən tütün, üzüm, çay, pambıq kimi məhsulların istehsalı isə cədvəl 1-dən görüldüyü kimi hələ də çox aşağıdır və ya düşməkdə davam edir. Onu da qeyd etmək lazımdır ki, hazırda çay, tütün emalı müəssisələrinin əsasən idxal xammalı ilə işləməsi bu sahələrin inkişafını əngəlləyən səbəblərdəndir ki, bu da məhsulların istehsalını əvvəlki səviyyədə olmasa da, yerli tələbatın səviyyəsinə çatdırmağa imkan vermir. Halbuki bu məhsullar üzrə nəinki daxili tələbatı ödəmək, hətta onların böyük həcmdə ixracını təmin etmək üçün ölkənin böyük potensialı vardır. Buna həm ölkəmizin təbii iqlim şəraiti imkan verir, həm də hazırda kənd təsərrüfatı əsasən ekstensiv yolla inkişaf edir və intensiv inkişafa keçməklə, məhsuldarlığı yüksəltməklə bitkiçilikdə bütün sahələrdə, o cümlədən də ixracı mümkün olan sahələrdə yüksək artıma nail olmaq olar. Məsələn 1985-ci il ilə müqayisədə istehsalı yüksəlmiş məhsullardan olan kartofun artımı təkcə əkin sahələrinin artımı hesabına deyil, həm də o dövrlə müqayisədə məhsuldarlığın yüksəlməsi hesabına olmuşdur. Belə ki, 1985 ci ildə kartofun bir ha-dan məhsuldarlığı 89 sentner olmuşdursa, bu rəqəm 2015-ci ildə 136 sentnerə çatmışdır. Ərzaqlıq bostan bitkilərinin məhsuldarlığı müvafiq dövrdə 74 və 174 sentner, meyvə və giləmeyvələrin məhsuldarlığı isə 32,5, və 71,4 sentner olmuşdur. Tərəvəzin isə məhsuldarlığı 1985-ci ildə olan 212 sentnerdən 2015-ci ildə 158 sentnerə düşmüşdür. Başqa sözlə kartofun əkini 1985-ci il ilə müqayisədə 2,5 dəfə artdığı

halda, istehsal 3,8 dəfə, bostan bitkilərinin əkini 4,2 dəfə artdığı halda, istehsal 10 dəfə, meyvə və giləmeyvələrin əkini 1,9 dəfə artdığı halda, istehsal 2,6 dəfə artmışdır. Yəni artım əsasən məhsuldarlığın yüksəlməsi hesabına olmuşdur. Lakin bunu tərəvəz haqqında demək olmaz. Belə ki, müqayisə olunan dövrdə tərəvəzin əkin sahəsi 2 dəfə artdığı halda istehsal cəmi 46,2 % artmışdır ki, bu da həmin dövrdə məhsuldarlığın azalması ilə əlaqədardır. Lakin istər məhsuldarlığı nisbətən artan bitkilərin, istərsə də məhsuldarlıq göstəriciləri artmayan və ya azalan bitkilərin göstəricilərinin bizə yaxın iqlimi olan Cənubi Avropa ölkələri, qonşu Türkiyə ilə müqayisə etdikdə Azərbaycanda həmin ölkələrdən az məhsuldarlıq olduğu aşkar edilir. Məsələn FAO-nun məlumatlarına görə 2011-ci ildə meyvələrin bir ha-dan məhsuldarlığı İspaniyada 194 sentner, İtaliyada 258 s, Fransada 246 s, Türkiyədə 237 s, İsraildə 220 s olduğu halda bu rəqəm Azərbaycanda 79 s olmuşdur. Tərəvəzin məhsuldarlığı isə İspaniyada 369 sentner, İtaliyada 271 s, Fransada 229, Türkiyədə 253 s, İsraildə 273 s olduğu halda Azərbaycanda 150 s olmuşdur [2]. Yəni biz tərəvəzin məhsuldarlığında nəinki 1985-ci ildə olan 212 s/ha səviyyəsinə çatmamışıq, hətta dünya üzrə orta səviyyə olan 192 s/ha səviyyəsindən də geri qalırıq. Başqa sözlə son on-onbeş ildə meyvə və tərəvəzin ixracını bərpa etmək mümkün olduğundan bu sahələrdə istehsal artmışdır, lakin bu artım ekstensiv olmuşdur. Kiçik ölkə olan Azərbaycanın həm öz torpaq sahələrindən səmərəli istifadə etməsi, həm də malik olduğu təbii iqlim şəraitindən maksimum yararlanması üçün isə intensiv inkişafa keçmək labüddür. Bu sahədə biz inteqrasiya olmaq istədiyimiz Avropa ölkələri ilə, xüsusən də iqlim şəraiti bizə daha yaxın olan qonşu Türkiyə ilə özümüzü müqayisə etməliyik. Azərbaycan kənd təsərrüfatı məhsullarının məhsuldarlığını artırmaqla bu sahədə hazırda olan ixracın həcmi dəfələrlə artırmaq iqtidarındadır.

Hazırda qeyri-neft sektorunun inkişafının sürətləndirməyin aktual olduğu bir vaxtda bu sahənin aparıcı istiqamətlərindən olan kənd təsərrüfatının intensiv əsasla inkişafı ixrac yönümlü sahələrin inkişafı deməkdir. Belə ki, ölkəmizin dünya bazarına, o cümlədən də MDB ölkələri bazarına əsas ixrac məhsulları ilkin və emal olunmuş halda kənd təsərrüfatı məhsulları ola bilər. Statistik materiallar Azərbaycanın ixracında qeyri neft sektorunun payının çox cüzi olmasını göstərsə də, onların içərisində də əsas yeri kənd təsərrüfatı, yeyinti və yüngül sənaye məhsulları tutduğu görünür. Cədvəl 2-də 2011-ci ildə ümumi ixracda mineral yanacaq, neft və neft emalı məhsullarının 94,5 %, 2015-ci ildə isə 86,5 % olduğu görünür. Nisbi rəqəmlərlə 2015-ci ildə neft məhsullarının ixracda payı azalsa da, bu əslində neftin qiymətinin düşməsi ilə əlaqədardır. Belə ki, 2015-ci ildə 2011-ci il ilə müqayisədə bu sahədən qazanılan məbləğ 60,6 % azalmış, nəticədə ümumi ixracın məbləği 57 % azalmışdır. Bu dövrdə kənd təsərrüfatı və onunla əlaqədar olan emal sahələrində olan məhsulların ixracı cəmi 3,7 % artsa da onların ümumi ixracda payı 4,1 % yüksəlmişdir. Başqa sözlə bu rəqəmlər əslində ixracın strukturunun yaxşılaşdırılmasında ciddi bir irəliləyiş olmadığını, neftin qiymətinin azalmasına görə belə artım təsərrüfatının yaranmasını göstərir. Neft gəlirlərindən asılılığın azaldılması isə

uzun müddətdir ki, aktual olsa da, hazırda real vəziyyət bu sahədə daha effektiv tədbirlərin görülcəyinə inam yaradır.

Cədvəl 2.

İxrac məhsullarının əmtəə strukturu (mln.ABŞ doll. və %-lə)

Məhsul qrupları	İllər			
	2011	%-lə	2015	%-lə
Diri heyvanlar və heyvan mənşəli məhsullar	0,7	0,0	2,3	0,0
Bitki mənşəli məhsullar :	268,8	1,0	335,9	2,9
O cümlədən:				
<i>Tərəvəzlər, meyvəköklülər və kök yumruları</i>	78,3	0,3 0,6	91,7	0,8
<i>Yeməli meyvələr və qoz-fındıq, sitrus bitkiləri</i>	153,0		220,2	1,9
Heyvan və ya bitki mənşəli piylər və yağlar	173,8	0,7	153,3	1,9
Hazır ərzaq məhsulları, spirtli və spirtsiz içkilər, sirkə, tütün	273,8	1,0	278,9	2,4
Emal olunmamış gön, aşılınmış dəri, təbii xəz, onlardan hazırlanan məmulatlar	11,0	0,0	12,2	0,1
Toxuculuq materialları və məmulatları	58,1	0,2	32,9	0,3
O cümlədən:	20,7	0,1	19,5	0,2
<i>Pambıq</i>				
Digər	0,4	0,0	0,2	0,0
Kənd təsərrüfatı və əlaqəli sahələrin cəmi	786,6	3,0	815,7	7,1
Qeyri neft sektorunun digər sahələri	695,0	2,6	726,9	6,4
Mineral yanacaq, neft və neft emalı məhsulları	25 089,3	94,5	9 881,9	86,5
Ölkə üzrə cəmi ixrac	26 570,9	100	11 424,5	100

Mənbə: AR DSK məlumatları

Nəticə olaraq onu qeyd etmək lazımdır ki, Azərbaycanın kənd təsərrüfatının potensialından tam istifadə etməklə kənd ərazilərində yaşayan əhəlinin məşğulluğunun yüksəldilməsi, gəlirlərinin artırılması, kənd ərazilərinin sosial-iqtisadi səviyyəsinin yüksəldilməsi ilə yanaşı, ümumən iqtisadi vəziyyətin yaxşılaşdırılmasına nail olmaq günün vacib tələblərindəndir.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Azərbaycanın xarici ticarəti 2016, <http://www.stat.gov.az/source/trade/> (baxılma vaxtı: 30.03.2017).
2. FAO statistical yearbook 2014, <http://www.fao.org/statistics/en/> (baxılma vaxtı: 28.03.2017).
3. Кривокора Ю. Н. Обеспечение многофункционального характера развития сельского хозяйства, Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук, Ставрополь – 2014 (электронный ресурс) www.stgau.ru/science/dis/dis_presto/krivokor2014.pdf, (дата обращения: 16.03.2017).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ФУНКЦИИ КОНТРОЛЯ В ООО «ЛУЧ» БАЛТАЧЕВСКОГО РАЙОНА

К. Н. Каримова

*Бакалавр,
Башкирский государственный аграрный
университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан,
Россия*

Summary. This article describes the improvement of the control function at the Luch enterprise of the Baltachevsky district. The presence of an internal control system is very important for the successful development of the enterprise itself and its competitiveness. The article considers the types of control and what they include.

Keywords: control; internal control; improvement of control function.

Применение функций контроля в организациях имеет важное значение, поскольку, согласно А. Файолю, контроль – это «проверка результатов работы организации и ее сотрудников, их оценка и корректировка» [1]. Как правило, выделяют внешний и внутренний контроль.

Внешний контроль основывается на том, что работники качественно выполняют свою работу, зная, что за ними наблюдает руководитель. Особенностью эффективного функционирования этого вида контроля является поощрение или наказание по итогам внешнего контроля.

Внутренний контроль – это эффективный метод управления и комплекс мер, направленный на достижение поставленных целей, выявления рисков ухудшения финансового состояния экономического субъекта, соблюдения законодательных требований и формирования достоверной отчетности [4].

Для обеспечения эффективного и надежного управления экономическим субъектом рекомендуется применять следующие методы внутреннего контроля: адекватное разделение обязанностей, система подтверждения полномочий, документирование, физические способы контроля и охраны активов, анализ [3].

Для того, чтобы выявить эффективность контроля на предприятии, необходимо для начала выявить проблемы предприятия ООО «Луч» Балтачевского района.

Основным видом деятельности организации является «Разведение крупного рогатого скота». Данное предприятие также осуществляет следующие виды деятельности: производство муки, выращивание зерновых и зернобобовых культур, выращивание кормовых культур, разведение пчел, лошадей, ослов, лошаков.

Рассмотрим состав и структуру затрат на производство продукции растениеводства в таблице 1.

**Состав и структура затрат на производство продукции растениеводства
в ООО «Луч» за период с 2013 по 2015 гг.**

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2013 г.
1. Материальные затраты	42,3	40,8	26,2	98,9
в т.ч.: семена покупные	24,5	19,7	23,8	96,1
минеральные удобрения	3,4	4,1	1,0	29,1
химические средства защиты растений	1,7	2,1	3,3	188,6
электроэнергия	3,6	3,8	5,5	151,4
топливо	2,4	4,3	4,2	170,4
нефтепродукты	28,3	41,9	41,4	144,9
запасные части	36,0	24,0	20,8	57,0
2. Затраты на оплату труда	5,1	4,8	3,5	108,8
3. Отчисления на социальные нужды	5,3	1,4	1,1	33,8
4. Амортизация	13,6	4,9	7,3	86,0
5. Прочие затраты	33,7	48,0	61,9	в 2,9 раза
Итого	100,0	100,0	100,0	159,8

Из данных, представленных в таблице 1, мы видим увеличение прочих затрат в 2,9 раза, химические средства защиты растений увеличились на 88,6 % , топливо – на 70,4 %, что является следствием увеличения цен на бензин. Увеличение затрат на электроэнергию за период с 2013 по 2015 гг. составило 51,4 %, на нефтепродукты – 44,9 %, на оплату труда – 8,8 %. Отрицательным для данного предприятия является то, что себестоимость топлива, нефтепродуктов и прочих затрат растет намного больше, чем затраты на оплату труда.

Для эффективности предприятия ООО «Луч» Балтачевского района необходимо провести такие мероприятия как снижение себестоимости зерновых и зернобобовых. Для этого необходимо рациональное использование материальных ресурсов за счет применения хозяйственных расчетов, использования ресурсосберегающих технологий, которые позволят снизить себестоимость топлива, электроэнергии. Необходимо также использовать высококачественные семена и гибриды сельскохозяйственных культур, ликвидировать простои по организационным и техническим причинам, повышения квалификации кадров, улучшения условий труда [2].

Снижению себестоимости продукции способствует повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных, применение орошения и гранулированных органических удобрений, которые в 2–3 раза усиливают биоактивность прикорневой микрофлоры, повышают содержание гумуса, улучшают проницаемость и влагоёмкость. Себестоимость гранулированных органических удобрений в 2–4 раза дешевле биогумуса и прочих продуктов переработки отходов животноводства, использование высокоурожайных сортов, соблюдение оптимальных агротехнических сроков проведения работ; скота и птицы – полноценное

кормление, правильное содержание животных, совершенствование племенной работы и их воспроизводства [5].

Одним из основных факторов снижения себестоимости является развитие агропромышленной интеграции. Это также позволяет нестандартную и низкого качества продукцию, не востребованную на рынке, вовлечь в товарооборот путем ее переработки [6].

Важно, чтобы в предприятии существовало адекватное разделение обязанностей: обязанности между работниками распределяются на уровне должностных инструкций, чтобы обеспечить двойной контроль за существенными хозяйственными операциями, необходимо четко ограничить пределы, в рамках которых действуют работники при выполнении своих обязанностей.

Если предприятию удастся повысить выручку от растениеводства, это позволит улучшить использование основных производственных средств, повысить качество производимых кормов, усовершенствовать структуру стада, повысить продуктивность животных.

Библиографический список

1. Веснин В. Р. Основы менеджмента. Учебник. - М.: Проспект, 2010. - 306 с.
2. Ефремова А.А. Бухгалтерский учет выпуска продукции (работ, услуг) по нормативной себестоимости // Главный Бухгалтер. – 2007. - № 7. – С. 15.
3. Кузнецова А.Р., Сайтова Р.З. Проблемы обеспеченности отрасли сельского хозяйства Республики Башкортостан энергетическими ресурсами // Российский электронный научный журнал. – 2013. – №1. – С. 95-105.
4. Кузнецова А., Сайтова Р. Повышение качества и уровня жизни работников сельского хозяйства // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2014. – №3. – С. 30-31.
5. Лесных О. В., Рыбакова О.М. Рекомендации по организации контроля на предприятии // Молочная промышленность. - 2014. - № 4. - С. 39-41.
6. Смекалов П.В., Смолеников С.В., Косякова Л.Н. Экономический анализ в АПК. Учебник П.В. Смекалов, – СПб.: Проспект Науки, 2011. – 414 с.

IV. RELIGION AND INTERFAITH RELATIONS, SCIENCE, SECULAR CULTURE

ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МУСУЛЬМАНАМ В XVIII ВЕКЕ

Л. А. Котлова
Д. В. Данилова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Елабужский институт (филиал),
Казанский (Приволжский)
федеральный университет, г. Елабуга,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. This article discusses the issues of state-religious politics in the Russian Empire against the Muslims in the XVIII century. Highlights issues of open persecution of the Tatar mosques, schools and madrasas. Discusses the basic decrees of Peter I and Catherine II. Analyzed the abrupt changes of the government towards Islam and pedagogical thought of the Tatar people.

Keywords: religion; policy; Muslims; Islam; culture; tolerance; conversion.

XVIII век принес немало изменений в жизнь, как самого Российского государства, так и его народов. Особенно остро он коснулся национальной культуры татарского населения.

В законодательной иерархии вероисповеданий на первом уровне находилась господствующая Русская православная церковь. Второй уровень правовой иерархии занимали так называемые терпимые исповедания, к которым относились христианские неправославные конфессии, а также язычники и нехристианские конфессии, – например мусульманская. Христианские православные конфессии занимали более привилегированное положение, нежели представители нехристианских конфессий. Принадлежность к религии «третьего сорта» порождала для мусульманского населения ряд правовых ограничений.

Религиозная политика царизма в XVIII веке оставила глубокий след в истории татарского народа, как политика жестокая, репрессивная. «Мусульманский вопрос» в государственно-религиозной политике самодержавия претерпевал значительные изменения, в частности из-за колебаний конфессиональной политики [1, с. 23].

Петровские преобразования оказали значительное влияние на уровень жизни татар. В отличие от своих предшественников Петр I взялся за коренное переустройство страны со знанием дела, что в дальнейшем и

определило успех его планов [3, с. 118]. Но при этом, не стоит забывать об усилении эксплуатации народов, и прежде всего крестьянства.

Фактически начало давлению в религиозной сфере послужили петровские указы 1713 и 1715 годов, которые предписывали некрещеным земледельцам, имевшим крепостных христианского исповедания, в течение полугода креститься [3, с. 119]. В противном случае их земли и крестьяне отбирались. Позже появились указы, подтверждающие привилегии новокрещеным.

Обещание льгот новокрещеным в начале 20-х годов к обнадеживающим результатам для правительства не привели. Поэтому для активизации действий в этой сфере в 1731 году в Свияжске была образована комиссия по крещению казанских и нижегородских мусульман и других инородцев. Главным врагом миссионеров оставался ислам, поэтому основной удар репрессивных мер пришелся по некрещеному татарскому населению [3, с. 119]. Миссионеры в сопровождении солдат отправлялись в татарские деревни, сгоняли все население к ближайшей речке и насильно совершали «обряд крещения» [2, с. 251]. Сопротивление подавлялось крайне жестоким образом, за неподчинение всех ждала суровая кара.

Сильно пострадали татарские школы и медресе. Началось открытое преследование татарских школ и мечетей, многие были полностью уничтожены, такая политика правительства продолжалась вплоть до середины XVIII века. Только в период с 1744–1755 годы было разрушено 418 мечетей из 536 с существовавшими при них школами. Однако религиозные школы и мечети продолжали существовать, хоть и вдали от городских центров. Так в 1723 году была открыта архиерейская славяно-латинская школа, в 1733 году была превращена в духовную семинарию, одновременно были созданы и несколько новокрещенских школ. В 1731 году в Свияжске, в 1735 году в Казани, Елабуге, Цивильске и Царевококшайске [3, с. 120]. Однако эти школы были мало эффективны в подготовке воспитанников к миссионерской деятельности.

Вскоре политика христианизации и гонения на татарские школы и мечети перестала давать желаемые результаты. Она лишь вызывала озлобленность населения, что нередко приводило к открытым религиозным столкновениям.

Со второй половины XVIII века царское правительство изменило свой прежний курс открытого гонения и встало на путь укрепления мусульманской религии в России. Еще в царствование Елизаветы Петровны была разрешена постройка мечетей и медресе в крупных деревнях с преимуществом татарского населения.

Важный поворот в государственно-религиозной политике произошел в царствование Екатерины II. В «Наказе» для Уложенной комиссии 1767 года в рамках политики просвещенного абсолютизма был провозглашен курс на терпимость по отношению к неправославным религиям. В 1773 году указом Екатерины II было разрешено строительство мечетей и

медресе для мусульман России. В период правления Екатерины II политика активно поддерживает аристократические слои мусульманской общины. Это подтверждалось указом от 22 февраля 1784 года.

Наряду с многочисленными мероприятиями по укреплению административного аппарата управления вносятся и некоторые изменения в колониально – руссификаторскую политику [3, с. 120]. Правительство начинает тесно контактировать с мусульманским духовенством. Чтобы уменьшить количество восстаний, в 1773 году издается указ «О веротерпимости», который фактически объявлял свободу вероисповедания, отменялось насильственное крещение, разрешалось строительство мечетей и медресе.

Преемники Екатерины II продолжали политику своей предшественницы по отношению к исламской религии. Главной целью оставалось укрепление государственного аппарата управления.

Таким образом, в XVIII веке политика правительства по отношению к исламу и педагогической мысли татарского народа была динамичной – от жестоких, репрессивных мер, до принятия исламской культуры и лояльного отношения к ней. Принцип веротерпимости, провозглашенный Екатериной II, положительно повлиял и на правовое положение мусульман Российской империи (хотя о равенстве в правах с православным населением и речи быть не могло).

Библиографический список

1. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). - СПб., 1998. - 1000 с.
2. Материалы по истории татарского народа / АН Татарстана. Отделение гуманитарных наук. Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова; Редкол.: Алишев С. Х., Закиев М. З., Урманчеева Ф. И., Хасанов М. Х. - Казань., 1995.- 496 с.
3. Мухаметшин А. Г. Педагогическая мысль болгар-татар в Казанском крае: VIII – начало XX вв.- М.: НИИ школьных технологий, 2006.- 231 с.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ЯПОНИИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Т. В. Федорова
А. В. Степанов

*Кандидат исторических наук, доцент,
магистрант,
Иркутский государственный
университет,
г. Иркутск, Россия*

Summary. This article discusses the process of formation of the Russian Orthodox Mission in Japan in the second half of the nineteenth century. Reveals the problems of interaction between Russian Orthodox clergy and the government of Japan. The characteristic activities in the field of dissemination of the basics of the Orthodox faith by St. Nicholas.

Keywords: religion; orthodox mission; clergy; Japan.

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви во все времена являлась достаточно трудным, но благим делом в процессе распространения православия. Восточные государства в этом процессе являлись тем препятствием, которые влияли на сохранение единства основ вероучения Восточной Сибири и Дальнего Востока с центральной Россией. С подписанием в 1689 г. Нерчинского «мирного трактата», по которому завоеванная русскими Забайкальская область окончательно признавалась собственностью России встал вопрос заключения соглашения с ширетуями (настоятелями буддийских дацанов) о переходе их в верноподданство России. Вместе с тем было строго и четко указано: «В православную веру улусных людей, а также и самих их, тайшей и зайсанов не велено ни крестить и ни принуждать...» [2]. В материалах Комиссии по землепользованию и землевладению, работавшей в Забайкалье в XIX в., отмечалось, что в 1689 г. среди «поступивших в подданство России монгольских родов находятся уже последователи ламайского учения с двумя ширетуями (старейшими ламами) во главе; коренные же обитатели Забайкалья – тунгусы и буряты придерживались первобытного язычества – шаманства» [2]. Принимая новые народы в качестве подданных России, царская администрация столкнулась не только со своеобразной традиционной культурой кочевников, их бытом и особенностями традиционной психологии, но и с новой, малоизвестной в России той поры религией: буддизм школы Гелуг, который уже имел распространение в среде восточных бурят. Активное проникновение в Россию II половине XIX в. восточных религиозных конфессий потребовала расширения сфер миссионерской деятельности Русской православной церкви в восточных государствах, в том числе и на территории Японии. На сегодняшний день, данная тема звучит особенно остро в связи с процессом сближения Российской Федерации с Японией в области международного сотрудничества, что неизбежно повлечет за собой расширение межкультурных и межконфессиональных связей.

Русская Духовная Миссия, основанная в Японии во второй половине XIX в., сыграла важную роль в деле налаживания и укрепления российско-японских отношений, ее деятельность послужила сближению соседних народов, установлению дипломатических отношений и развитию культурных связей. Процесс формирования миссии начался в 1859 г., когда русский консул в Японии Гашкевич обратился в Синод с просьбой направить в посольскую церковь на о. Хоккайдо священника, который бы мог заниматься и миссионерской деятельностью. В результате, 18 мая 1860 г. решением Синода кандидат богословия Иван Касаткин назначается в консульскую церковь о. Хаккайдо.

24 июня 1860 г. И. Д. Касаткин был пострижен в монашество, 29 июня возведен в сан иеродиакона, а 30 июня – иеромонаха. Затем проявлявший интерес к миссионерскому служению иеромонах, Николай был назначен настоятелем русской консульской церкви в Японии [5, с. 146].

Япония в тот период была практически не изучена европейцами. Японцы не доверяли иностранцам, порой демонстрировали свою ненависть к ним. Сохранились сведения о том, что европейцы нередко становились жертвами нападений японских «ревнителей», которые бросали в иноверцев камни и даже рубили их саблями [5, с. 147].

Иеромонах Николай начал свою деятельность в Японии в период правления династии Токугава, когда православная евангелизация в стране была немыслима. В то время молодой священник начал свое знакомство с Японией, с изучения языка, японской литературы, культуры, японских обычаев. Эта напряженная работа продолжалась 8 лет в некоторой изоляции от дипломатического корпуса. Он завоевал уважение, любовь, признание и в консульстве, и среди японцев. За эти годы он стал одним из лучших знатоков японской литературы, культуры и языка. Он писал: «Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага – мир, плоть и дьявол – со всей силой восстали на меня и по пятам преследовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же узком месте» [3, с. 55].

Запрет «нечестивой христианской веры» стал ослабевать лишь после буржуазной революции 1868 г., когда правительство Мэйдзи обратилось «лицом к Западу» и император Мутсухито, годом раньше вступивший на японский престол, проявил дружелюбное отношение к европейцам. Впрочем, и после 1868 г. вооруженные нападения на христиан в Токио, Йокогаме, Киото были частым явлением [4, с. 10].

Приходили новые люди и становились катехизаторами. Они проповедовали в Японии, но отец Николай не имел возможности выехать из Хокадате в какой-либо другой город. Для иностранцев Япония была закрыта. Встал вопрос о том, что нужны священники, которые бы могли служить, крестить по городам, куда не мог попасть о. Николай. Ежегодно происходило собрание катехизаторов.

Первые успехи и начало радикального преобразования Японии побудили отца Николая испросить разрешение Святейшего Синода открыть в Японии духовную миссию [9]. 6 апреля 1870 г. император Александр II утвердил решение Святейшего Синода, согласно которому в Японии появилась духовная Миссия (в составе начальника, трех иеромонахов-миссионеров и причетника) [6, с. 31]. Начальником миссии был назначен отец Николай, возведенный к тому времени в сан архимандрита. Миссионерские центры («станы») предполагалось устроить в Токио, Киото, Нагасаки и Хокодате [6, с. 37]. Официально Миссия была подчинена ведению Камчатского епископа. Обязанности миссионеров излагались в особой «инструкции для миссии», составленной отцом Николаем и утвержденной Святейшим Синодом.

Изменение законодательства и отмена старых законов против христианства началась в 1873 г. После поездки в Россию была получена материальную помощь для организации миссии. Началось строительство миссии, строительство храма, действовала школа на 50 человек, духовные училища и катехизаторские училища. Японский язык вошел в славянское богослужение.

Своеобразным показателем успешности миссионерской деятельности отца Николая можно считать появление в 1875 г. первого православного священника, уроженца Японии. Им стал отец Павел Савабе, возведенный в сан епископом Камчатским. Спустя три года среди православных японцев было уже 6 священников, 27 катехизаторов и 50 катехизаторских помощников [6, с. 39]. По мере увеличения численности православных японцев всё большую актуальность стал приобретать вопрос об изменении статуса начальника миссии (т.е. о возглавлении ее епископом). В результате 30 марта 1880 г., архимандриту Николаю был присвоен сан епископа [6, с. 42].

К началу 1890-х гг. в начальник Русской Духовной Миссии был уже весьма известным и авторитетным в Японии религиозным деятелем, умело пользовавшимся теми привилегиями, которые постепенно получали христиане в Стране восходящего солнца. В 1889 г. император согласился на Конституцию, 28 параграф которой провозглашал свободу религиозных верований для всех японцев, «поскольку они не нарушают общественного мира и порядка и не противоречат долгу верноподданства» [1, с. 71]. В конце XIX в. крещение у православных миссионеров принимали уже тысячи японцев (к концу столетия в стране насчитывалось уже 25 тысяч православных, объединенных в 226 общин с 28 священниками). Японские общины были необычайно деятельны, при них открывались общества содействия религиозно-нравственному воспитанию, на собраниях которых регулярно читались Священное Писание и жития святых. Эти общества занимались и активной благотворительной деятельностью [7, с. 130].

В 1896 г. епископ Николай пишет Священному Синоду: «Прошло уже более 40 лет с открытия Японии для иностранцев и начала миссионерского дела здесь. Христианские миссии имели достаточно времени, чтобы

вполне освоиться на новом поле действий, определить свое отношение к народу, развить свои системы и явить плоды своей деятельности. В каком же состоянии их дело? У католиков – 1 епископ, 3 архиепископа, 93 миссионера, 25 монахинь, всего 205 человек; у протестантов – 680 миссионеров; у православных – 1 миссионер. Плоды их деятельности к концу прошедшего года. У католиков – 52 тыс. христиан, в том числе остатки существовавших здесь еще с XVI столетия католиков; у протестантов – 38 тыс. христиан; у православных – 23 тыс. христиан. Какая же причина успеха миссии. Причина – в искренности православия и помощи Божией. Господь благоволит к своему юному насаждению, Церкви православной среди японского народа. И в даровании ей успехов являет неоспоримые знаки своего благоволения» [2, с. 136].

Успехи православия в Японии были непосредственно связаны с деятельностью руководителя Русской Духовной Миссии, который 6 мая 1899 г. была награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. Даже такой скептик и политический прагматик, как К. П. Победоносцев, не скрывал своего восхищения результатами миссионерской деятельности владыки. «Николай Касаткин, – писал он, – это действительно апостол нашего времени, человек с горящим духом, раздувающий духовное пламя в сердцах до пожара» [8, с. 275]. Необходимо отметить также и тот факт, что вместе с православной миссией больших успехов достигли в Японии католические и протестантские миссионеры [1, с. 77–78].

Таким образом, процесс формирования Русской Православной Миссии в Японии начался во второй половине XIX в., который был связан не только с изменением политики правительства Японии к служителям православного культа, но и непосредственной деятельностью отца Николая, который добился я в 1870 г. открытия здесь Миссии. Трудности как финансового характера, так и организационного, только укрепили веру в благие начинания миссионерской деятельности. Что в результате привело к росту количества прихожан, появлению православных священников из числа местного населения Японии, началось строительство храмов и образовательных духовных школ.

Библиографический список

1. Архангелов С. А. Наши заграничные миссии / С.А. Архангелов // Очерк о русских духовных Миссиях. – СПб.: П.П. Сошкин, 1899. – 208 с.
2. Баширов Л.А. История религии в России / Л.А. Баширов. – М.: изд-во РАГС, 2002. – 592 с.
3. Железняк С.Е. История православных миссий / С.Е. Железняк. – Набережные Челны, 2011 – 88 с.
4. Иванова Г.Д. Жизнь и деятельность святителя Николая Японского / Г.Д. Иванова // Православие на Дальнем Востоке. Памяти святителя Николая, Апостола Японии. – СПб., 1996. Вып. 2. – 56 с.
5. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. / Мануил (Лемешевский), митрополит. – Куйбышев, 1966. Ч. 5. – 284 с.

6. Платонова А. Русско-японская война и архиепископ Николай / А. Платонова // Апостол Японии. Очерк жизни Архиепископа Японского Николая. – Пг., 1916. – С. 31-47.
7. Русская Православная Церковь // Православная энциклопедия. – М., 2000. – 325 с.
8. Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917 / И.К. Смолич // История Русской Церкви. – М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. – 432 с.
9. Японская православная церковь. Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <http://drevo-info.ru/articles/3469.html> (дата обращения 10.11.2016).

V. THE DEVELOPMENT OF WRITING AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF EURASIA

ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ (на материале лексики эстетической оценки в западноевропейских языках Средневековья)

Н. И. Белогривцева

*Старший преподаватель,
Саратовский государственный
технический университет
им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия*

Summary. The article addresses the text-oriented approach to the studies of language history. Based on the principles of the anthropocentric paradigm in contemporary linguistics this approach implies a thorough analysis of contexts that allows to look into the semantic evaluation of the vocabulary. The article demonstrates this approach applied to the investigation of the semantic history of the aesthetic vocabulary in the medieval European languages.

Keywords: lexicology; semantics; language history; Middle Ages; European languages; aesthetic evaluation; vocabulary.

В рамках антропоцентрической парадигмы объектом изучения языкознания становится человек в языке и язык в человеке. Е. С. Кубрякова сформулировала круг проблем, связанных с применением антропоцентрического принципа в лингвистике: «язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека» [1, с. 214]. По мнению исследователя, принцип «человек в языке» подразумевает человека как носителя сознания и транслятора культур, в то время как «язык в человеке» является «мерой всех вещей в языке и культуре» [1, с. 216].

Новые подходы в исторических исследованиях лексики отвечают принципам антропоцентризма. В их основе лежат принцип взаимовлияния языка и культуры, принцип текстоцентричности – предпочтительности изучения текстов, а не словарных дефиниций, принцип учета влияния факторов экстралингвистического характера и верификации полученных выводов путем сопоставления их со сведениями о социально-историческом контексте эпохи. По мнению многих исследователей, одним из импульсов подобной переориентации от системы (языка) к узусу (речь или текст) явилось широкое распространение электронных корпусов текстов [4]. Электронные корпуса дают возможность исследовать большие массивы текстов за относительно короткое время.

Важно, что различного рода данные представлены в корпусе в своем естественном окружении, что дает возможность их всестороннего и объективного изучения. Вследствие этого «выводимые обобщения имеют статус не интроспективной догадки, как это обычно бывает при традиционном подходе, но эмпирически наблюдаемого факта». Корпус часто рассматривается как некая уменьшенная модель языка или подязыка, поэтому достоверность, полученных на основе корпуса результатов определяется, прежде всего, его репрезентативностью, под которой понимается способность ограниченного числа текстов отражать закономерности языкового употребления, характеризующие этот язык в целом.

Электронные корпуса текстов широко используются в области исторической лексикологии. Это связано с появлением специализированных корпусов, охватывающих определенные периоды в истории языка. Особую привлекательность для исследователя представляет тот факт, что все тексты в специализированных корпусах датированы.

Обращение к письменным памятникам имеет ряд преимуществ. В отличие от исследований, основанных, прежде всего, на лексикографических источниках, это позволяет избежать опасности подмены «средневековой ментальности логикой ученых-лексикографов XIX–XX вв.» и избежать неоправданной модернизации значения древних слов [3, с. 5]. Это особенно актуально для изучения семантических изменений лексем высокого уровня абстракции, характеризовавшихся многозначностью, вариативностью значения. Сказанное в полной мере относится к лексике эстетической оценки, которая находится в центре нашего исследования.

Основной эмпирической базой исследования являлись электронные корпуса «Корпус среднеанглийской прозы и поэзии» (*Corpus of Middle English Prose and Verse – CME*, или *CMEPV* -18 млн. словоупотреблений), корпус среднефранцузского языка» (*Frantext Moyen Français, FMF* -7 млн. словоупотреблений) и часть «Корпуса испанского языка» (*Corpus del Español – CdE*), содержащая тексты XII–XV вв. (16 млн. словоупотреблений). На разных этапах исследования также использовались лексикографические источники.

Единицей исследования является тематический контекст со значением эстетической оценки. Целью настоящего исследования является изучение ядра лексики эстетической оценки в языках западноевропейского ареала XIII–XV вв. При подобном подходе круг лексем, служащих объектом исследования, не задается заранее, а выявляется в ходе исследования тематических контекстов соответствующего периода. На ключевой характер лексем указывает высокая частотность их употребления в письменных памятниках различной жанровой и дискурсивной принадлежности, а также наличие широких лексико-семантических, словообразовательных, ассоциативных связей. Использование специализированного корпуса также позволило определить хронологические рамки исследования: в этот период

шло активное формирование системы средств эстетической оценки в западноевропейских языках.

В силу целого ряда причин (как объективного, так и субъективного характера) полученные с помощью электронного корпуса текстов статистические данные о частотности употребления лексических единиц носят в определенной степени условный, ориентировочный характер. Однако, как показывает опыт исследований, важными здесь являются не абсолютные количественные показатели, а некоторые общие тенденции функционирования языковых единиц.

Изучение контекстов употребления выделенных лексем показало, что, не смотря на различную степень родства языков, данные лексем имеют ряд общих функционально-семантических особенностей.

Анализ 30 000 контекстов, в которых в качестве объекта положительной эстетической оценки выступают люди, артефакты (одежда, оружие, украшения), явления природы, позволил выделить ряд ключевых лексем эстетической сферы в английском (*fayre, wlīte*), французском (*bel/biaus*), испанском (*fermoso*) языках XIII–XV вв. Данные лексем используются в 70–75 % контекстов со значением эстетической оценки.

Интересно отметить, что в латинском языке, оказавшим большое влияние на развивавшиеся западноевропейские языки, основным средством положительной эстетической оценки была лексема *pulcher*, имевшая в классической латыни широкую сферу референции. Тем не менее, в западноевропейские языки она вошла лишь в эпоху Позднего Средневековья, значительно сузив сферу референции, и употреблялась в основном для обозначения чувственной женской красоты. В то же время прилагательное *bellus*, которое являлось диалектным и находилось на периферии лексико-семантического поля «красота» в силу его экспрессивной окраски, более соответствующей значению «приятный, милый, симпатичный» (в основном про женщин и детей), перешло в романские языки (прилагательное *bel/biaus* во французском языке, *bello* в итальянском языке). Другим прилагательным, унаследованным романскими языками было латинское прилагательное *formosus*. Оно возникло в эпоху усиления греческого культурного влияния на Рим. Косвенным свидетельством этого может служить то, что прилагательное имеет очень узкий спектр значений, почти всегда обозначая физическую красоту человека, животного, гораздо реже применяясь к другим объектам, напр. к зданиям, и лишь в редчайших случаях определяя абстрактные понятия. Эти доводы позволяют сделать вывод о том, что прилагательное *formosus* появилось в латинском языке специально для обозначения греческого понятия красоты. К нему восходит испанская лексема *fermoso*, сохранившее значение физической красоты человека.

Характер контекстов употребления та повлиял на закрепление лексем в узусе в качестве основных средств выражения эстетической оценки. В силу сакральной значимости религиозных текстов (и в особенности Библейского текста, являющегося одним из основополагающих текстов для

европейской цивилизации), прилагательные, которые при переводе Библии с латыни на западноевропейские языки использовались в качестве эквивалента лексемы *pulcher* занимали особое место в лексической системе языков перевода и становились, в свою очередь, ключевыми средствами экспликации эстетической оценки.

Сравним примеры из Библии на латыни и на средневековых европейских языках:

<i>erat autem mulier pulchra valde</i>	<i>hera muy fermosa mugier</i> (исп.) <i>forsothe she was a ful feyr woman</i> (англ.)	... а та женщина Вирсавия была очень красива (2 кн. Царств 11:2)
<i>ecce tu pulcher es dilecte mi et decorus</i>	<i>O que fermoso eres mio a/migo e que apuesto</i>	О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! (Песнь песней 2:16).
<i>amiserat pulchra nimis et decora facie</i>	<i>era donzella muy fermosa / de cara & de tod el cuerpo a grand marauil//la.</i>	...девушка, красивая лицом и телом...
<i>porro sicut Absalom vir non erat pulcher in omni Israhel</i>	<i>E en todo ysrrael non auja omne mas / fermoso que absalon</i> <i>there was not a man as feyr as Absolon in al Irael...</i> (СМЕ. The Wycliffite Bible).	<u>Не было во всем Израиле мужчины столь красивого, как Авессалом</u> (2 кн. Царств 14:25)

Нерасчлененность положительного оценочного значения и неотделимость эстетической оценки от морально-этической являются особенностью средневекового мировоззрения. В средневековых текстах добродетельный человек зачастую красив внешне. В «Кантилене Святой Евлалии», гимне, созданном на старофранцузском языке в IX, испанская мученица Евлалия описывается как дева «красивая душой и телом»:

Buona pulcella fut Eulalia.

Bel auret corps bellezour anima.

Важной особенностью выделенных ключевых лексем эстетической оценки в средневековых европейских языках является широкая сфера референции. Они выступали в качестве средств эстетической оценки физического облика человека, природных явлений, артефактов (детали костюма, доспехи, оружие, предметы быта и т. д.), животных, растений и абстрактных понятий.

she hadde a fair forheed; many a fair visage; fair of face (лицо и черты лица)

Hys Armoure founde he fayre and brygh (доспехи)

makyng so many fayre miracles (чудеса)

Et de leurs dons riches et beaux (дары)

beaulx demaines, terres et possessions (земли и владения)

Se lui dist par moult bel langage (язык)

La saison ly fu bonne et belle (время года, природа)

Позднее сфера референции прилагательных *fair* и *hermoso* сужается, и они перестают употребляться по отношению к мужчинам, а в настоящее время они во многом утратили значение эстетической оценки, в то время как прилагательное *bel* продолжает употребляться по отношению и к женщинам, и к мужчинам.

Другой особенностью выделенных лексем является их способность служить не только средством положительной эстетической оценки, но моральной и социальной оценки. Так, прилагательные *fair* и *bel* реализуют значение социальной оценки в уважительных обращениях: *fayre sire, fayre knyghtes, bele dame, beaux amis*.

Fayre brother, we ben betrayed!

fayre Lordes, come forth!

Et il li dist lors : «Belle amie,

De ma promesse ne te doute!

В силу общности контекстов употребления у имеющих разное происхождение ключевых лексем в английском, французском и испанском языках стали появляться общие синонимические ряды. В качестве основных синонимов выступали лексемы, в семантической структуре которых доминируют такие смысловые компоненты, как свет, блеск, цвет, свежесть, чистота и др.

Связь идей света/блеска и красоты прослеживается во многих контекстах описания женской внешности. В этих контекстах в одном синтагматическом ряду употребляются прилагательные, имеющие значение *светлый, блестящий, чистый*: англ. – *fayre, bryghte, clene*; франц. – *clere, blanc, bel, luisant*

Hys Armoure founde he fayre and bryght;

For the lady fayre and bright.

A dougtter he had, brighth & shene

In visage es he [young David] bright and clere.

He Crist make vs clene and bryhte for his wundes fyue.

To the goodly freshe faire, / That was fairer, as thought[e] me, / Than is hir self, Dame beaute

Celle nuit estoit bele, clere et luisant

Son cler vis blanc et bel, sa belle vois clere et seinne.

La face avoit clere et moult belle / Et la coulour fresche et nouvelle

В данном явлении находит отражение средневековое мировосприятие, для которого было характерно отождествление света, блеска с красотой. Св. Фома Аквинский писал о красоте как о «сиянии формы вещей». С одной стороны, это было связано с культом божественной красоты и восприятием Бога как света. Так, прилагательное *bryght* и производное от него абстрактное существительное *bryghtnesse*, наряду со значениями *красивый, яркий, блестящий* обладали семантическим компонентом *божественный*, который в настоящее время является утраченным. Общие черты в функционировании выделенных лексем объясняются не столько генетическим

фактором, сколько общностью контекстов употребления и единством и единством культурно-речевого пространства.

Таким образом, корпусный подход позволил выявить ключевые лексемы путем определения частотности их употребления. Сопоставление большого числа контекстов, взятых из корпусов трех языков, дает возможность выделить общие черты функционирования лексики эстетической оценки.

Корпусный подход дает возможность изучать контекстные реализации значений лексем в разных типах дискурса в ходе эволюции языка. Изучение контекстов позволяет выявить синтагматические и парадигматические связи лексем, изменения их сочетаемости и сдвиги значения, что дает возможность реконструировать семантическую историю слова. В то же время привлечение данных экстралингвистического характера в сочетании с лингвистическими данными позволяет выявить некоторые особенности лингвокультурной картины мира языков западноевропейского ареала в рассматриваемый период.

Библиографический список

1. Дорофеев, Ю. В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики [Текст] / Ю. В. Дорофеев // Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: мат. XV Междунар. лингвистической конф. “Язык и мир”. Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – 2008.
2. Колокольникова М. Ю. Синонимический контекст как фактор исторического развития лексической семантики [Текст] / М. Ю. Колокольникова // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. №2 С.5-9.
3. Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте [Текст] / М. В. Пименова. - СПб. – Владимир, 2007.
4. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. [Текст] / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. - М., 2008. - № 2 (16). - С. 7-20.
5. Солопов А. И. Особенности формирования эстетических представлений в латинском языке (греко-латинские языковые и культурные контакты) [Текст] / А. И. Солопов // Словарь и культура. - М., 1995. - С. 72-74.
6. Frantext Moyen Français [Electronic resource]. - URL: http://www.frantext.fr/scripts/regular/7fmr.exe?CRITERE=ACCUEIL_MF;OUVRIR_MENU=7;ISIS=isis_bbibftx.txt (Access date: 3.06.2016).
7. Corpus of Middle English Prose and Verse [Electronic resource]. - URL: <http://quod.lib.umich.edu/c/cme/> (Access date: 12.07.2016).С
8. Corpus del Español [Electronic resource]. - URL: <http://www.corpusdelespanol.org/> (Access date: 15.05.2016).

VI. PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROBLEMS

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ В СТРАНАХ АЗИИ

М. Н. Меликова

*Старший преподаватель,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков,
г. Самарканд, Узбекистан*

Summary. Problems of cultural and educational enlightenment in Asian countries are analyzed in the article. Different ways of development of education, culture in the traditional system of values in Asian nations are described. Close relation and interdependence of education with social-economical reforms in the given countries are studied in details.

Keywords: enlightenment activity; traditional culture; education; cultural traditions; cultural values; modernization; cultural heritage.

Образование в течение всей жизни может играть существенную роль в решении проблемы гармоничного развития общества при условии, что структура образования в свою очередь будет реагировать на все изменения в социальной и культурной жизни. Творческий подход к образованию подразумевает использование новых методов, но и умение приспособить ту или иную систему к потребностям в образовании у населения, даже если они не всегда конкретно выражены или порой противоречивы.

Образование на протяжении всей жизни дает знания, необходимые для развития человека и его активного участия в жизни общества, однако основная цель всей культурно-просветительской деятельности заключается в том, чтобы дать возможность каждому индивиду критически оценивать своё положение в обществе и стать ее полноценным членом.

Творческий подход и личная заинтересованность являются необходимыми предпосылками для успешной деятельности в области образования; место занятий, средства выражения и методы работы могут варьироваться в каждом конкретном случае.

В сельских районах, где возможности для образования весьма ограничены, начальная школа имеет первостепенное значение, так как только она может дать населению этих районов необходимые знания и навыки. Таким образом, распределение культурных и общеобразовательных знаний должно быть сейчас направлено прежде всего на те группы людей, которые в настоящий момент имеют минимальные возможности получить общее образование и необходимые профессиональные навыки. Показателем эффективности работы по распределению культуры может стать степень ее восприимчивости среди населения.

Экономическое развитие многих стран Азии определяются уровнем сельского хозяйства, которое сохранило свою ведущую роль и в ближайшие десятилетия, а также мелкого и среднего производства, что должно учитываться в распространении культуры и образования.

Название места обучения, будь то школа, общинная школа, общинные, социокультурные или образовательные центры, значения не имеет. Децентрализация обучения, повышение его качества, культурное обогащение, подбор преподавательских кадров, на более широкой социальной основе и осуществление социального, экономического и культурного развития как цели образования - вот задачи культурно-просветительской деятельности, которое должна быть тесно связана с жизнью общества, способствовать его развитию и созданию новых форм культуры [2, с. 121–122].

В области образования на протяжении всей жизни нужно и дальше осуществлять поиск новых путей и методов в организации образования для взрослых, внешкольного образования детей и молодёжи с целью наиболее полного удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей общества.

В этой работе равное внимание должно уделяться культурному развитию общества и освоению природы, что позволит приблизить учебный процесс к окружающей среде и культурным традициям народа. Ирригация земель, борьба народа за независимость, социальные преобразования в результате использования техники в промышленности и сельском хозяйстве, новые методы организации труда в городе и деревне, организация досуга для работающей молодёжи – во всём этом заложен огромный культурный потенциал, реализация которого могла бы обогатить практику образования. Таким образом, здесь воедино связаны образование и общественная деятельность, работа и профессиональное обучение, досуг и художественно-эстетическое воспитание, т.е. образование, как таковое, не ограничивается рамками школьной системы, и это дает возможность для разностороннего развития личности и общества в целом.

Здесь следует остановиться на технологическом, общественном и образовательном аспектах труда: в качестве примера приведем опыт Индии, развивающей традиционные методы производства в соответствии с экономическими и культурными потребностями народа, и опыт Японии, которая наряду с заимствованием моделей промышленного производства уделяет большое внимание сохранению традиций.

Однако отношения между образованием и трудом являются предметом не только территориального анализа. Накопленный культурный опыт дает возможность рабочему развивать свои творческие способности, разбираться в процессах производства и усовершенствовать их. Таким образом, поле, фабрика, мастерская, часто является тем самым местом, где процесс образования приносит наилучшие результаты.

Основными целями образования является восстановление и обновление традиционной культуры.

Богатство и многообразие культур является результатом соприкосновения различных этнических и социальных групп. Поэтому традиционным культурам и формам их выражения следует уделять больше внимания и воспитывать уважение к ним и понимание, что является предпосылкой для их гармоничного сосуществования.

Если мы хотим добиться равновесия между современной и традиционной культурами, или, другими словами, проявить уважение к последовательному развитию каждого общества, необходимо принять интенсивные меры по развитию культуры. Более того, традиционная культура может стать препятствием на пути перемен, если традиционные институты власти останутся без изменения, и лишь только с помощью образования можно произвести критическую переоценку традиционной культуры и встать на путь ее обновления. Однако это возможно при условии, что в процессе обучения будут учитываться происходящие перемены, и оно будет принимать активное участие в модернизации общества [1, с. 48–49].

Образование на протяжении всей жизни, лежащее в основе демократической политики в области культуры, противостоит элитарным методам модернизации, которые привели бы к отрыву от народной традиции; другими словами, такие методы затруднили бы формирование у широких масс собственных взглядов на модернизацию и ее осуществление. Коллективный опыт в области культуры и образования могут помочь в разработке программ обучения в сельских общинах, способствовал бы получению такими общинами необходимых знаний и их социальной интеграции.

Между образованием и социально-экономическими преобразованиями существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость, образование может способствовать переменам, если оно будет опираться на социальные силы, а не на установившиеся в нем структуры.

Внедрение науки и техники требует развития научного словаря в национальном языке, а также развитие культуры и образования. Введение новой техники там, где она действительно необходима, при условии контроля над этим процессом самой общины не будет противоречить развитию традиционных культур.

Часто на пути развития традиционной культуры и науки стоят одни и те же препятствия, причём постоянные изменения естественной и социальной среды тормозится отнюдь не культурным наследием общества, определенными силами и обстоятельствами. Разработка научной методологии, развитие общественного сознания и культуры тесно связаны с подготовкой организаторов и руководителей, которые должны будут создать условия для того, чтобы традиционные методы развития техники не были забыты, поскольку они уже являются неотъемлемой частью социокультурного контекста и имеют свои положительные стороны. Это означает, что крестьяне, ремесленники и их семьи не окажутся в числе жертв модернизации, а явятся инициаторами этого процесса, который приведет к расцвету их культуры.

Библиографический список

1. Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности. В кн.: Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. Братислава, 2005. с. 48—49.
2. Лунев С. И. Успехи высшего образования в большой Восточной Азии // Сравнительная политика. - 2016. - № 3. - с. 121-135.

ШАХСНИ ИЖТИМОЙЛАШУВИДА МАЪНАВИЯТ ВА МИЛЛИЙ ҚАДРИЯТЛАРНИНГ ЎРНИ

М. М. Муйдинова

*Ўқитувчи,
Наманган давлат университети,
Наманган, Ўзбекистон*

Summary. In this article the role of national traditions in progressing morality. The role of traditions and customs play a great role in personality socialising and it makes the base of the article. In the article a great attention is paid to bringing up the young generation in the spirit of national customs.

Keywords: national traditions; customs.

Бугунги кунда шахсни дунёқарашилини шакллантириш, юксак маънавиятини тарбиялаш, комил инсон бўлиб етишиши учун унинг тарбиясига алоҳида эътибор бериш зарур бўлади. Ақлан етук, ахлоқан баркамол, дунёқараши кенг, жисмонан соғлом ёшларни тарбиялаш жамиятнинг моддий, юксак таъсири орқали амалга оширилади. Инсон қайси жамиятда яшар экан, шу жамиятдан ташқарига чиқиб кета олмайди, яъни унинг маънавияти ҳам шу жамият ичида бўлади. Инсон моддий бойликларни яратувчи барча ихтироларнинг кашфиётчисидир, ана шуларни яратар экан, у дастлаб уларни қандай яратишни ишлаб чиқаришни, унинг келажакда берадиган самарасини илмий, амалий ва тарбиявий аҳамиятини ўз онгида тасаввур этади. Инсон юксак манбаларни яратаётганида ҳам шахс сифатида ана шу жараённи ўз бошидан кечиради.

Жамият бугунгидек тез суръатлар билан ривожланаётган шароитда ёшларда юксак маънавиятни тарбиялаш, уларни миллий қадриятлар руҳида тарбиялаш масаласи катта аҳамият касб этмоқда. Шу боис ёш авлодни камол топтириш, уларда миллий ғоя, ўзлигини англаш, ўз ватанига меҳр-садоқат туйғусини уйғотиш, уларни миллий ва умумбашарий қадриятлар руҳида тарбиялаш зарурати ошиб бормоқда. Бу эса юксак юксак маънавиятли шахсларни тарбиялаш демакдир.

Мустақил Ўзбекистоннинг ҳар томонлама ривожланиши ва амалга оширилаётган ислохотларнинг муваффақияти аҳолининг, айниқса, ёш

авлоднинг билими, тарбияси ва юксак маънавият даражасининг шаклланганлигига боғлиқ.

Ана шу юксак ахлоқий негизларнинг ҳар бирини ёшларимиз онгида шакллантириш, улар онги ва қалбида мафкуравий иммунитет ҳосил қилиб, юксак маънавиятни тарбиялаш муҳим омиллардан биридир. Биринчи президентимиз И. А. Каримов таъкидлаганидек “...миллий ғоя ва истиқлол мафкуриси юртимизда яшаётган барча кишиларнинг юксак бойлигига дунёқарашининг негизига айланишига эришиш биз учун энг асосий мақсаддир” [1].

Мустақил, маърифий-маданий, адолатли ва инсонпарвар жамиятда ёш авлодни ҳар томонлама етук, ахлоқли, одобли инсонлар сифатида камол юксак маънавият мавжуд билим, ҳаётий тажриба ва эзгу ғоялар негизиде шаклланиб, хулқ-атвори, муомаласи ҳамда хатти-ҳаракатларини шахс томонидан онгли бошқариш имкониятини берувчи руҳий ҳолатнинг юқори даражасидир.

Республикамиз ижтимоий-иқтисодий тараққиётининг ҳозирги босқичининг барча жабҳаларида туб сифат ўзгаришлар амалга оширилаётган бир пайтда Республикамиз фуқаролари ўзларининг ижобий фаолиятларини тинмай юксалтириб боришлари ва маънавиятини камол топтиришлари зарур. Бу ўринда Ўзбекистон республикаси биринчи президенти И. А. Каримов “... асосий вазифамиз – миллий кадриятларимизни тиклаш, ўзлгимизни англаш, миллий ғоя ва мафкурани шакллантириш, муқаддас динимизнинг юксак ҳаётимиздаги ўрнини ва хурматини тиклаш каби мустақиллик йилларида бошланган эзгу ишларимизни изчиллик билан давом эттириш, уларни янги босқичга кўтариш ва таъсирчанлигини кучайтиришдир. ... Бу соҳадаги ишларимизнинг пировард мақсади – иймон-эътиқоди бутун, иродаси бақувват, эркин фуқаро маънавиятини шакллантиришдир” [2], – деб таъкидлаган эди.

Халқимизнинг кўп асрлик юксак меросида, миллий кадриятларимизда Ватанга, ҳаётга муҳаббатнинг ифодасини, инсоннинг юксак бурчи, юксак қиёфаси ҳақидаги теран фикрларни, фанга, динга нисбатан мулоҳазаларни, яхши хулқли, одобли инсонлар бўлишга даъватни, илм ва маърифатни эгаллашга чақиришни, ахлоқий ғояларни, гўзал, ибратли ва мазмунли ҳаёт кечиришни тарғиб қилишни ёмон ҳислатларни қоралаш ҳолатларни кўриш мумкин. Одоб-ахлоққа оид тушунчаларни эъзозлаш, кенг тарғиб қилиш, бу фазилатларни ёшларнинг ахлоқий хатти-ҳаракатларига сингдириш, турмуш тарзимизда англаб етилган эҳтиёжига айлантириш бугунги давримизнинг талабидир. Дарҳақиқат, инсон ер юзиде мавжуд жонзотлар орасида энг мумтоз, энг қадимийсидир. Инсон шахси эса энг олижаноб ижтимоий кадриятдир. Инсонпарвар халқ эса ҳамжихат бўлади. Инсонпарварлик маънавиятимизнинг, юксак маънавиятнинг муҳим мезонларидан бири сифатида ўз таркибига инсоннинг энг яхши ахлоқий хусусиятларини, яъни

одамлар ўртасидаги ўзаро яхши мунособат, дўстлик, ота-онага содоқат, меҳнатсеварлик, диёнат, тўғрилиқ, ростгўйлик, одиллик, инсоф, камтарлик, сахийлик, мулойимлик, катталарни хурмат қилиш, кичикларга иззатда бўлиш, раҳмдиллик, қатъият, сабр-тоқат, меҳр-шафқат кабиларни қамраб олади.

Бугунги кунда таълим-тарбия масканлари, маҳалла, оила, кенг жамоатчилик шахс тарбияси билан боғлиқ масъул вазифани бажармокда. Дарҳақиқат, халқимиз ўз тараққиёти давомида эришган ва яратган маданий бойликлардан, ахлоқий қарашлар ва қоидалардан унумли фойдаланмасдан миллий кадриятларни англайдиган юртсевар ва халқпарвар ёшларни, юксак юксак маънавият эгаси бўлган ёшларни камолатга етказиш мумкин эмас.

Библиографик рўйхат

1. Каримов И.А. Маънавий юксалиш йўлида. – Т.: Ўзбекистон, 1998. – 78 б.
2. Каримов И.А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т.: Маънавият, 2008. – 173 б.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ АЗИИ

О. М. Муминова

*Кандидат философских наук, доцент,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков,
г. Самарканд, Узбекистан*

Summary. The article deals with the issues of culture development in Asian countries. Some problems, which arise in the process of interrelation of various cultural traditions, are also analyzed in the article. Innovatory role of democratic reforms in Asian countries in formation of the culture of local nations is described.

Keywords: culture; cultural interaction; urban culture; rural culture; contradictions in development; strive for national and individual identity.

Культура Азии отличается чрезвычайным многообразием, однако, несмотря на это, почти во всех азиатских странах наблюдаются сходные тенденции в ее развитии и общие проблемы, связанные с положением молодежи.

Одной из главных отличительных черт этих стран является желание как можно быстрее, за несколько десятилетий достигнуть современного уровня развития. Повсеместно ставятся под сомнение ценности традиционной культуры, их приемлемость и адекватность. Активизируются поиски национальной культурной самобытности, которая основывалась бы на богатом наследии прошлого и требованиях современной культуры.

Более половины населения континента составляет молодежь в возрасте до 25 лет. На ней больше, чем на других слоях населения, сказываются превратности развития, и в тоже время с ней связаны его потенциальные

возможности. Значительная часть молодежи глубоко обеспокоена состоянием культуры своих стран. Испытывая тягу к новому и вместе с тем сохраняя привязанность к традиционным ценностям, молодые люди не могут сделать выбор и нередко пребывают в культурном вакууме. В одиночку или сообща самыми разными, нередко противоречивыми способами пытаются они найти правильный путь к решению стоящих перед ними проблем. И в этом проявляется их сходство с молодежью других стран [3, с. 518].

У азиатской молодежи не выработалось однозначного отношения к сложившейся ситуации. Она находится на перепутье между традиционными и западными ценностями. Молодых людей одинаково привлекают материальное благополучие и духовная жизнь. Они все больше выступают за дальнейшее экономическое развитие и расширение свобод и вместе с тем бережно хранят веру в святость семьи и нравственные ценности.

Перед народами Азии стоит задача создания новой культуры, которая впитала бы в себя достижения прошлого и соответствовала бы потребностям сегодняшнего дня. В процессе создания такой культуры возникают многочисленные проблемы, особо остро проявляющиеся среди молодежи, – противоречия между городом и деревней, между получившими образование и неграмотными слоями, между теми, кто имеет работу, и безработными.

Города Азии становятся космополитическими, их население чрезвычайно подвижно. Коренные жители уезжают в другие города, в деревню, иногда даже в другие страны, на их место прибывают переселенцы из сельских районов. В культурном отношении города представляют собой центры взаимодействия и конфронтации многочисленных больших и малых культур, как местных, так и иностранных. В связи с этим непрекращающимся бурным процессом возникает вопрос: не становится ли городская культура Азии чересчур неустойчивой? По сравнению даже с недавним прошлым ее характер значительно изменился. По мере быстрого роста городов, ведущего к утрате чувства общности, городская культура все больше гибридизируется. Происходящий в городах процесс культурного обезличивания во многих случаях вызывает обратную реакцию: стремление к обретению национальной и индивидуальной самобытности.

В отличие от города общественной жизни сельских районах Азии представляется, по крайней мере, внешне, менее подверженной влияниям. Однако и здесь происходят изменения, но они затрагивают скорее сознание, чем образ жизни сельских жителей, которые всё больше понимают свое неблагоприятное положение, всё реже и мирятся с бедностью и несправедливостью как чем-то «неизбежным».

Установление демократических форм правления в ряде стран способствовало развитию политического сознания масс. Молодежь впитывает новые идеи, неизвестные ранее другим поколениям. Пробуждению сознания сельской молодёжи во многом помогают средства массовой информации, особенно пресса, радио и кино. Воодушевленная новыми идеями, современная сельская молодежь Азии постепенно обретает новые ценности и

интересы. Она готова поставить под сомнение идеалы и традиции старшего поколения, даже если, в конечном счете, она их и принимает.

И, тем не менее, под воздействием процессов развития, ориентированного в первую очередь на город, в культуре деревни всё отчетливее выступают сильные и слабые стороны, присущие любому замкнутому обществу. Для сохранения местных культурных форм необходим внешний стимул. Без взаимодействия с другими формами создается угроза их ослабления и даже полного исчезновения. Местным художественным формам и средствам выражения, по сравнению с городскими, свойственна большая аутентичность. Однако, когда в качестве внешнего стимула выступает коммерческий спрос, возникает опасность вульгаризации местной культуры. Другая группа проблем связана с противоречиями между получившим образование и неграмотными слоями. До проникновения в Азию западных идей все слои населения – богатые и бедные – в определенной степени участвовали в создании и потреблении культурных ценностей, хотя считалось, что высот утонченности и совершенства могли достичь в основном представители экономической, политической и иногда интеллектуальной элиты. Во времена колониального господства в Азии широкое распространение получило убеждение, что люди могут получить доступ к культуре только через образование [2, с. 91].

Такой подход имеет далеко идущие последствия. Если согласиться с ним, тогда из культуры исключается неграмотное и малограмотное большинство населения азиатских стран. Культура превращается, таким образом, в привилегию элиты; отрицается существование спонтанной культуры, возникающей вне сложившейся сети учреждений. При этом главное значение приобретает культура, распространяемая через официальные каналы и с помощью образования, основанного на западных моделях. Какая культура часто оказывается застывшей или чуждой по духу.

Если поставить культуру в зависимости от образования, тогда она превратится в некий материальный объект, доступ к которому можно приобрести, лишь пройдя ряд сложившихся и получивших официальный статус этапов, не соответствующих реальным потребностям или не дающих желаемого результата. Приняв такую точку зрения, мы вынуждены будем отказаться от прежнего, функционального определения культуры как суммы различных способов выражения общих ценностей [1, с. 89].

Воспитанные на нетрадиционных моделях культуры слои обычно характеризуются светским мировоззрением, хотя среди них немало и верующих. Им свойственны гуманистические взгляды и позитивистские воззрения. Не принижая значение национального компонента, они при этом считают европейские страны «развитыми», а себя «отсталыми», по крайней мере, в экономическом отношении. Иногда они выступают против провинциализма своих сограждан. В отличие от этой части элиты ориентирующаяся на местные ценности другая часть, представляющая большинство, утверждает традиционные религиозные и моральные ценности и мо-

дели поведения, отстаивая необходимость привнесения их в политическую структуру, что поможет избавиться от морального смятения. Не считая его следствием экономического развития, они, тем не менее, заботятся не сколько о материальном, сколько о духовном развитии человека, будучи убежденными, что оно зависит от самого человека, от самой нации. Таким образом, их лидеры стремятся к духовному возрождению личности и народа в традиционном понимании.

Библиографический список

1. Александров-Деркаченко П. Диалог цивилизаций против конфликта идеологий. Размышления о книге и событии // Свободная мысль. – 2008. – № 1. – с. 89.
2. Федотова В. Г. Модернизация и глобализация – мегатренды мирового развития. – М., 2001. – с. 91
3. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М., Проспект, 2017, с. 518.

КОМИЛ ИНСОН ТАРБИЯСИ ВА УНИНГ ЖАМИЯТДА ТУТГАН ЎРНИ

Д. Рахимбаева
Ф. Журазода

*Кандидат философских наук, доцент,
талаба,
Наманган давлат университети,
Наманган, Ўзбекистон*

Summary. This article is about a perfect person his place in political scale, family traditions and customs. As well, his different views on this topic are lighted up.

Keywords: tradition; customs; perfect person.

Мустақил Ўзбекистон истиқлол йилларидан бошлаб ўзини қаддини ростлаб, танлаб олган, “Ўзбек модели” бўйича қадамба қадам одимлаб, ривожланиб бормоқда.

Жамиятимизнинг ҳар бир соҳасига кириб бораётган ўзгаришлар ўзининг сифат кўрсаткичларида намоён бўлмоқда. Халқимиз азал – азалдан бунёдкорлик, яратувчилик, ижодкорлик каби фазилатларга эга бўлган халқдир. Бу каби фазилатлар кичик жамият бўлмиш оилада юзага келган. Оила ва никоҳ масалалари, қариндош уруғ ўртасидаги муносабатлар, айниқса баркамол фарзанд тарбияси доимо масъулиятли масалалардан бири бўлиб келган ва келмоқда.

Айниқса, фарзанднинг жисмоний соғлом бўлишида, зурриётнинг асл бўлиши масаласига жиддий эътибор берганлар. Жумладан қадимги фалсафа сарчашмаларидан бири бўлган, “Авесто”да шундай фикрлар бор:

“Соғлом авлоднинг пайдо бўлиши, бенуқсон наслнинг туғилиши учун соғлом турмуш тарзи, таъминоти бўлиши лозим. Бунинг учун эса

биринчи навбатда ота – она жисмоний бақувват, жинсий бенуқсон, ўз хунари, меҳнати билан ҳалол ризқу рўзини ўзи топиб ейдиган бўлиши лозим. Шу сабабли ота – оналар бўлажак куёв ва келинларни танлашда обдан ўйлаб иш қилишган” [1].

Комил инсон тушунчасининг мазмунида жисмонан соғлом, рухий, ахлоқий ва маънавий етуқлик ётади. Инсондаги бу жиҳатларни тарбиялашга авлод – аждодларимиз катта эътибор қаратганлар.

Оилавий урф – одатларимизда ҳам гўдак саломатлиги, ўзидаги иммунитетнинг юқори бўлишида она кўкрак сутининг бебаҳолиги қадрланган. Ҳозирги замон тиббиёти она кўкрак сутининг ўрнини ҳеч нарса боса олмаганини, гўдакнинг жисмонан соғлом бўлишининг гарови эканлигини эътироф этадилар.

Ҳар бир оила фарзанд билан тўла – тўқисдир. Аёлнинг чинакамига гўзаллиги, бахти унинг оналиги билан қадрланган. Шунинг учун ҳам жамиятимизда – хотин – қизлар, аёлларнинг саломатлигига катта эътибор қаратмоқда.

Бу борада олиб борилаётган ишлар масаласида Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш. М. Мирзиёевнинг “Мамлакатимизда 2016 йилда ижтимоий – иқтисодий ривожлантиришнинг асосий яқунлари ва 2012 йилга мўлжалланган иқтисодий дастурнинг энг муҳим устивор йўналишларига бағишланган Вазирлар Маҳкамасининг кенгайтирилган мажлисидаги маърузасида! “Маълумки, биз ижтимоий соҳада аҳоли саломатлиги, оналик ва болаликни муҳофоза қилиш, дори воситалари билан ишончли таъминлаш, жисмоний бақувват ва маънавий жиҳатдан соғлом авлодни камол топтириш масалаларига алоҳида устивор аҳамият бермоқдамиз” [2].

Оиланинг тинчлиги, обрўси, эл- юрт маҳалла – куй олдидаги хурмати унинг оиласидаги соғлом муҳит фарзандлар тарбияси билан белгиланади. Ҳалқимиз яхши тарбияланган, хулқ – одобли ёшларга қарата, “Тарбия берган отанга, онанга раҳмат” дея ўз баҳосини беради. Ота – она дунёга фарзанд келтирар эканлар, уларнинг фарзанд олдидаги бурчлари бор, жумладан И. Каримовнинг “Баркамол авлод орзуси” номли китобида бу ҳақда шундай дейилган! “Яхши ном қўйишга, яхши муаллим қўлига топшириб, саводини чиқариш, илмли, касб- хунарли қилиш, бошини икки уйли жойли қилиш” дея эътироф этилган [3].

Авлод–аждодларимизнинг панд, ўғит – насиҳатлари, қарияларимизнинг ҳаёт тажрибаси ҳар бир ёш авлод учун катта мактаб. Шунинг учун уларни қадрлаб, қимматли ўғитларини маслаҳатларини мағзини чақиб, унга амал қилсак, фойдадан бошқа нарса олмаймиз. Оила, никоҳ эр – хотин бўлиш, келин, куёв бўлишнинг ҳам ўзига яраша талаблари қийинчиликлари мавжуд, унга яраша билим, кўникамага сабр – тоқатли бўлишига, фарзандларни кўнгли тўлиқ бўлиб ўсишига бор имкониятимиз билан ҳаракат қилишимиз, курашмоғимиз лозим. Чунки фарзандлар ўз оиласида худди кўзгудек ўзини кўради.

Уларга ибрат бўлмоқ учун олдин ўзимиз маърифатли, маънавиятли тарбияни олмағимиз керак. Жумладан Шарқ педагогикасининг қомуси бўлмиш “ Қобуснома” да Узоқ пушаймонликдан холис бўлмоқ тиласанг, кўнги хаваси билан иш қилмағил” [4].

Шундай экан оила куриш, бахтга эришиш инсондан катта матонатни, иродани талаб қилади. Фарзанд бу – яратганнинг бебаҳо неъматини, сизнинг наслингизни давомчиси, уни ҳар томонлама баркамол бўлиб воега етиши нафақат оиланинг, балки жамиятнинг ҳам ютуғидир.

Оила – кичик ижтимоий муҳит сифатида жамият ва шахснинг ҳар томонлама ибратли бўладиган фарзанд тарбиясига жиддий эътибор қаратиб, лоқайд ва бепарво бўлмай, бугунги куннинг мафкуравий манзарасини чуқур таҳлил этиб, ёш авлоднинг онгига соғлом дунёқараш ғоясини сингдиришда катта рол ўйнайди.

Библиографик рўйхат

1. Ҳ.Ҳомидий Авестодан Шоҳномага Т.2007 122-б
2. Халқ сўзи 2017 йил, 16 январ 2- бет.
3. “Баркамол авлод орзуси” Т. Шарқ нашриёти 1999 й 9 -бет
4. Кайковус “ Қобуснома” Т. Ўқитувчи 2006 й 58 -бет

ТАДЖИКСКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ПЛОВ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ф. Ф. Саегалиева

*Кандидат философских наук, доцент,
Казанский государственный
аграрный университет,
г. Казань,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. Pilaf is a traditional dish in Tajikistan and Uzbekistan, is considered part of the common cultural heritage, and is a dish that strengthen social ties and solidarity. On this basis, in December 2016, Tajik and Uzbek pilaf were included in the representative list of the intangible cultural heritage of UNESCO.

Keywords: pilaf; the UNESCO part of the cultural heritage; rituals and customs associated with the pilaf.

Уже несколько столетий плов считается королем блюд на всем Востоке, а у узбеков и таджиков это еще и ритуальный рецепт, без которого не обходятся никакие церемонии и мероприятия. Поэтому неудивительно, что таджикский и узбекский варианты плова, его приготовление, а также связанные с ним культурные традиции, объединяющие людей из разных слоев общества, недавно были включены в репрезентативный список нематериального наследия ЮНЕСКО.

Плов – это очень древнее блюдо, происхождение которого вряд ли может быть достоверно установлено. Сведения о плове, как о праздничном блюде, имеются в источниках IX–X веков, а в знаменитой книге «Тысяча и одна ночь» – приводятся бесчисленные легенды о плове.

Само слово «палав» (плов) – произошло от персидского *pulaw*., что в переводе означает «вареный рис». В состав плова должно входить семь основных компонентов: лук, морковь, мясо, жир, соль, вода, рис. Для приготовления плова необходим толстостенный чугунный, алюминиевый или медный казан, в котором предварительно прокаливается масло – обычно смесь растительного (кунжутного, хлопкового и т. п.) масла и животного жира. Важна также последовательность закладки и продолжительность обработки, оговоренные рецептом.

Плов (по-таджикски – оши палав, по-узбекски – палов оши) является традиционным блюдом в Таджикистане и в Узбекистане, считается частью общего культурного наследия. Его приготовление и употребление социально инклюзивны, они объединяют людей из разных общин и слоев общества. Плов подается и как ежедневная еда, и на званых обедах, торжествах, и как элемент совершения обрядов. Согласно узбекской поговорке, гостям не разрешается уходить до тех пор, пока хозяева дома не предложили им отведать плов.

Известны до 300 рецептов плова, среди которых плов с курицей, с виноградными листьями, девзира, один к одному, с бараниной на курдючном масле. Выделяют и региональные разновидности плова, отличающиеся по способу приготовления: плов таджикский, плов самаркандский, плов ферганский и др. Поэтому из набора одних и тех же продуктов можно приготовить разные виды плова [2, с. 3].

Узбекский и таджикский плов объединяет людей не только во время многолюдного застолья, но и в процессе его приготовления: морковь для него режут только мужчины из числа родственников и соседей торжества, а подготовкой риса занимаются женщины – они крупу перебирают, промывают и ненадолго замачивают.

Но самое главное в плове – отнюдь не рис и не морковь, а мастер, который его готовит. Мужчин-профессиональных поваров зовут «ошпаз» (плововар). Большинство поваров являлись потомственными ошпазами и передавали секреты своего мастерства из поколения в поколение. Быть ошпазом на большом мероприятии доверяли не любому повару, ведь приготовить плов для сотен человек – дело очень ответственное [1]. Приготовленный плов горкой выкладывают на большие фарфоровые тарелки – ляганы. И по сей день плов принято есть руками с общего блюда.

С пловом у таджиков и узбеков связано много народных обрядов и обычаев, которые формировались в течение как минимум трех тысячелетий. По словам исследователя Ислома Рахимова, испокон веков в первых числах марта в Худжанде, Самарканде, Бухаре каждая семья готовила плов и раздавала соседям. Если сосед в ответ не возвращал тарелку со своим

пловом, это было сигналом, что сосед бедствует. Тогда более состоятельный сосед отправлял бедному соседу продукты, необходимые для приготовления плова [1].

Еще одним из обычаев, связанных с пловом, является «гап» (разговор) – товарищеские посиделки близких по возрасту и интересам людей, которые встречаются в чайхане или на природе, чтобы обсудить общие проблемы, и во время таких встреч мужчины готовят плов. Все эти обычаи действительно способствуют укреплению социальных связей и солидарности, являясь частью культурной самобытности узбеков и таджиков.

В последние годы в Таджикистане и Узбекистане стало традицией ежегодно в столицах и областных центрах устраивать праздники (фестивали) плова, а в Худжанде (Таджикистан) строится уникальный Национальный центр «Оши палав» («Плов») [1]. Это свидетельствует о том, что традиции приготовления плова будут сохранены и популяризированы, а центр плова станет не просто точкой общепита, но и местом общения и сближения людей.

Библиографический список

1. В Худжанде строится уникальный Национальный центр «Оши палав» // URL: <https://www.asiaplus.tj/ru/news/tajikistan/society/20170201/plov-kak-tsentr-prityazheniya-v-tadzhikistane-vozdayut-pochesti-lyubimomu-blyudu> (Дата обращения 07.03.2017).
2. Ходжиев В. Пловы (таджикская кухня). Душанбе: Ирфон, 1989.

VII. PUBLIC RELATIONS AND THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SYSTEMS

ГЕОГРАФИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Э. Л. Вдовина
А. Д. Кузнецова

*Кандидат географической наук, доцент,
студентка,
Пензенский государственный
университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. This paper examines geopolitical conflicts in the countries of the Middle East and North Africa, which can lead to the emergence of new states or the disintegration of existing countries. Classify countries on the basis of economic indicators and the level of involvement of the country in military conflicts, it is concluded that there are prerequisites for dividing the country into different parts.

Keywords: ISIL; MENA; SIPRI; Middle East; Arab Spring; state; war.

На протяжении последних десятков лет регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) не утихает от непрекращающихся войн и конфликтов, причины которых многосторонни: социальное положение населения, борьба религиозных течений, сепаратистские движения отдельных частей страны, а также интервенция зарубежных стран в борьбе против террористической угрозы. Статистика СИПРИ (Стокгольмский институт изучения проблем мира) показывает, что на 2015 год из 69 мировых конфликтов 8 приходится на БВСА, а за 2000–2014 года здесь произошло более 15 крупных конфликтов и войн [1], что делает данный регион один из самых нестабильных в мире. Полагаясь на экономические показатели ООН, а также на работу специалистов РАН Института Востоковедения – В. В. Наумкина и Д. Б. Малышева [6], было бы возможным считать, что политические границы стран БВСА в скором времени изменятся.

Данная проблема уже несколько лет активно обсуждается как в СМИ, так и на заседаниях правительств, однако выход из политической ситуации так и не найден. Лишь спустя годы мы сможем оценить размах экономического и культурного упадка стран. Анализ и прогноз работы будет осуществляться за период 30–40 лет.

В связи с волной восстаний в 2010–2012 годах, названной Арабской весной, в военной и политической литературе стал популярным новый термин «страны MENA» (акроним от англ. Middle East & North Africa). Это географический регион, объединяющий страны Магриба и Ближнего Во-

стока. Какого либо точного перечня стран MENA не существует, Всемирный Банк причисляет к ним:

Алжир	Иордания	ОАЭ
Бахрейн	Йемен	Оман
Джибути	Катар	Саудовская Аравия
Египет	Кувейт	Сирия
Ирак	Леван	Тунис
Иран	Ливия	
Израиль	Марокко	

Также, полагаясь на классификацию Н. Н. Баранского, который выделял Ближний Восток, как «Средний Восток» и включал помимо традиционных арабских стран Турцию, Афганистан и Пакистан, в данной работе будет рассматриваться геополитические конфликты на основе данных Всемирного банка и Н. Н. Баранского

Таблица 1

Доля Ближнего Востока и Северной Африки в МГРТ (2012г)

Регион	Численность населения, %	Мировой экспорт, %	Запасы нефти, %	ВВП, %	Доля в промышленном производстве, %
Северная Америка	5,0	23,0	6,2	24,6	36,1
Латинская Америка	8,0	6,5	10,0	8,0	7,5
Европа	8,0	27,4	3,87	26,9	30,4
Азиатско-Тихоокеанский регион	53,0	26,0	2,9	32,9	16,7
Ближний Восток	7,0	7,0	57,3	3,2	4,4
Северная Африка				0,98	
Африка	14,0	5,8	9,0	2,09	0,8
СНГ	5,0	4,3	13,3		4,1
Мир	100	100	100	100	100

*составлено автором по данным Хохлова А. В. и данным ООН

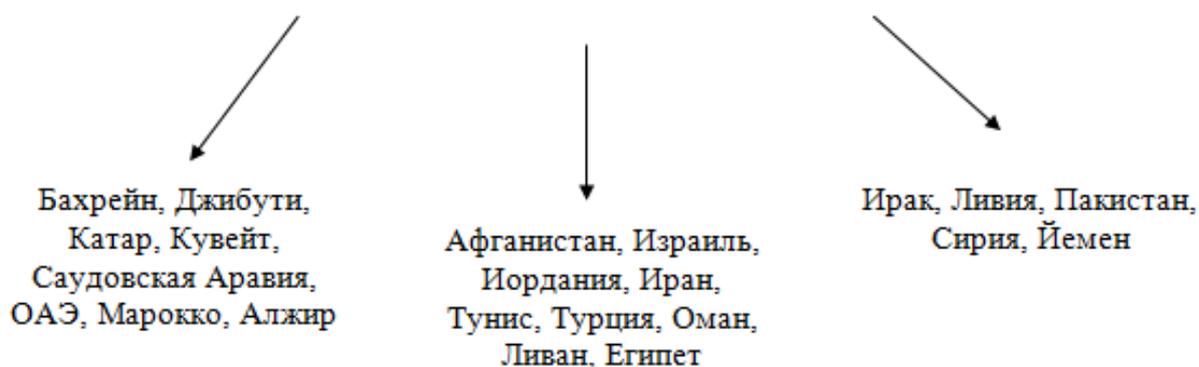
На основании статистических данных ООН и А. В. Хохлова [5] была сделана таблица, показывающая долю Ближнего Востока и отчасти Северной Африки в мировом производстве. Как видно из данных таблицы, страны региона не выделяются большими показателями, однако по некоторым из них опережают более крупные регионы, такие как Африка, СНГ. А по запасам нефти – главному источнику доходов – находятся на первом ме-

сте, из чего можно сделать вывод о перспективах успешного развития стран, входящих в состав БВСА.

Были проанализированы таблицы динамики численности населения и динамики ВВП (ППС), млрд. долл с 1980 по 2015 год [2], а также динамики государственного долга с 2000 по 2015 год по данным Датского Статистического Бюро[3]. Был сделан вывод о том, что если в динамике численности населения не всегда можно заметить изменения и связать их с определенными геополитическими конфликтами и войнами, то в динамике ВВП более четко прослеживается тенденция к спадам во время экономических и политических кризисов, вооруженных восстаний, а также наращивание экономического потенциала в мирное, стабильное время. На основании анализа динамики государственного долга было выяснено, что в большинстве стран государственный долг увеличивается с 2008 года, на который приходится пик мирового экономического кризиса, а также последовавшая затем волна восстаний, названная Арабской весной в 2010–2012 года, привела к резкому увеличению данного показателя. Такое наблюдается в таких странах, как: Бахрейн, Египет, Иордания, Иран, Йемен, Катар, Ливия, Тунис [4].

Существует так же ряд стран, в которых за все исследуемый период наблюдается понижение государственного долга (Алжир, Афганистан, Джибути, Израиль, Ливан, Саудовская Аравия и Турция), что свидетельствует о наращивании производства и стабильном росте экономики. И, наконец, страны, которые до 2014–2015 года уменьшали свой государственный долг, но затем в последние года этот показатель увеличился в несколько раз, это характерно для: Ирака, Сирии и Омана. Это связано в первую очередь с обширными военными действиями на территории данных стран, интервенцией других государств. На основании данных, полученных при анализе таблицы, страны БВСА были разделены на 3 группы.

Схема 1. Классификация стран

Первая группа стран включает в себя те, чья экономика испытывает поднятие, государственный долг к % от ВВП (ППС) уменьшается, на тер-

ритории таких государств нет военных конфликтов. Если показатели ВПП на протяжении 50 лет падали, то лишь на период 1–2 лет, а причина этого заключается в мировых экономических кризисах, падении цен на самое главное сырье региона – нефть. В динамике численности населения государства также наблюдается подъем: год из года население стран растет. Прогноз таких стран на будущее очевиден: до тех пор, когда они диктуют миру цены на черное золото, решают возникающие в их странах конфликты мирным, демократическим путем – данные государства будут процветать, иметь успешное развитие и прирост экономики.

Вторая группа стран характеризуется ростом экономических показателей, приростом населением и уменьшением государственного долга. Однако на территории таких стран идут военные конфликты, действуют целые террористические группировки и «государства», мешающие стране выходить на более высокий уровень в решении различных вопросов. Такие страны подвержены политическим переворотам и гражданским войнам, кризису власти.

Третья группа стран наиболее пострадавшие от военных конфликтов, их экономика характеризуется огромным приростом государственного долга (Ливия в 33 раз за 7 лет!) [4], падением уровня ВВП, а также глубоким политическим кризисом и уменьшением числа жителей. Эти страны либо находятся в состоянии войны, либо недавно из нее вышли. Прогноз развития не утешителен, т.к. вполне возможно возникновение новых государств.

Анализируя геополитическую ситуацию в странах второй и третьей группы, был сделан вывод о возможных перспективах распада государств на несколько частей. Так, к примеру, курды, которые около 100 лет уже ждут создание собственного государства – Курдистана, в скором времени могут рассчитывать на его возникновение, т.к. наиболее уязвимые территории Ирака и Сирии в данный момент находятся под обстрелом различных сторон конфликта. А так же наличие того факта, что курды ведут успешные переговоры с США о создании «Великого Курдистана», включающие территории северной Сирии и Ирака, говорит о скором изменении политических границ.

Также с территорией Сирии, Ирака и Ливана связана деятельность Исламского государства, которое уже заявило о создании на контролируемых ими территориях халифата, как единого теократического государства. Вероятность данного события находится под большим вопросом, так как коалицией ряда стран Запада и Россией ведется жесткая борьба против распространения террористической угрозы в лице ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта).

Возможно, что ситуация, связанная с данной группировкой будет похожей на запрещенное движение Талибан, контролирующее небольшие участки на севере, западе и юге Афганистана, а также провинцию Вазиристан в Пакистане с 2001 года, оно уже признано тремя государствами: Пакистаном, ОАЭ и Саудовской Аравией. По анализу геополитической ситу-

ации в стране возможно два исхода: если Талибан захватит власть в Кабуле, то в стране случится политический переворот, либо при финансировании зарубежных государств, имеющее влияние на Ближнем Востоке, Афганистан разделится на две части, одну из которых возглавит Талибан.

Деление на несколько частей также возможно в ближайшем будущем в Ливии, где после событий Арабской весны была свергнута диктатура М. Каддафи. Но если при авторитарном режиме бывшего президента сдерживались междоусобные войны различных кланов, то сейчас при отсутствии сильного государственного аппарата, страна может распасться на несколько частей и вернуться к границам 1951 года.

Таким образом, можно сказать, что прогнозирование новых политических границ на территории стран БВСА возможно осуществить на базе анализа экономических показателей, а также исходя из уровня вовлеченности государства в геополитический конфликт.

Библиографический список

1. <https://www.sipri.org/search/node?keys=Middle+East>
2. <http://svspb.net/danmark/naselenie-stran.php>
3. <http://svspb.net/danmark/vvp-stran.php>
4. <http://svspb.net/danmark/gosudarstvennyj-dolg-stran.php>
5. Конфликты и войны 21 века. РАН Институт Востоковедения, Нумкин Н. Н., Малышев А. Б., 2015 г.
6. Справочные материалы по географии мирового хозяйства, Хохлов А. В. 2015 г.

VIII. ACTUAL ASPECTS OF INTER-ETHNIC RELATIONS

К ВОПРОСУ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА

Ф. А. Игебаева

*Кандидат философских наук, доцент,
Башкирский государственный
аграрный университет,
г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. The article is devoted to the interethnic interaction of the peoples of Bashkortostan. The author proposes to study and use positive experience of Bashkortostan in strengthening inter-ethnic harmony in other regions of our multinational country.

Keywords: nation; multiethnicity; tolerance and national culture; spiritual values.

Россия – это уникальная страна, в которой сосредоточено огромное количество наций, народностей языков и культур. Очевидно, что представители всех российских народов и этнических групп живут не в абстрактном пространстве России, а на конкретной территории, в конкретном субъекте Федерации.

Республика Башкортостан, приблизительно равная по площади Франции, является одним из крупнейших субъектов Российской Федерации, где живут тюркские (башкиры, татары, чувашаи), славянские (русские, украинцы, белорусы), финно-угорские (мари, удмурты, мордва) и другие народы. Республика как бы повторяет, только в более сложном сочетании, многонациональную модель Волго-Уральского региона. Этим определяется уникальность Башкортостана в составе Российской Федерации.

Однако, многонациональность Башкортостана – это не проблема, а бесценное богатство нашей республики. Семь лепестков курая в официальной символике Республики Башкортостан символизирует единение народов, живущих на просторах Южного Урала, их процветание и духовное обновление. Здесь народы всегда жили в дружбе и согласии, поэтому бережное отношение к такому бесценному достоянию, каким является единство людей различных национальностей, всемерная поддержка их разнообразной культурной и духовной жизни, предоставление возможности всем и каждому приобщиться к культуре своего народа, а также к духовным ценностям и культуре других народов являются главными задачами государственных органов [1, с. 51].

И при этом, каждый этнос и его представитель, хочет он того или нет, должен вести себя как равноправный член сообщества, и помнить, что рядом с ним живут и трудятся другие этносы, и у каждого из них есть свои

проблемы, свой вклад в социально-экономическое развитие республики, свое стремление в утверждение этнической самобытности. Очевидно, что проблемы каждого и всех вместе взятых могут быть успешно решены только сообща, совместными усилиями. Следует отметить, что в формировании этнического самосознания участвуют не только внешние стимулы и факторы, но и духовная культура этносов. Она создается и передается многими поколениями этнических общностей, вбирая в себя лучшие достижения человечества, несет огромный потенциал духовных ценностей.

Проблема межэтнического взаимодействия имеет для республики, как и для всей Российской Федерации, исключительную значимость, т. к. все основные аспекты экономической, политической, социальной и духовной сфер жизнедеятельности общества тесно связаны с этническим фактором. Свое влияние на ее существование вносят процессы глобализации. Поэтому значим поиск новых оптимальных форм и методов возрождения исторических и культурных традиций разных народов в условиях активных межэтнических взаимодействий. Башкортостан отличается, пожалуй, от других регионов России тем обстоятельством, что здесь на государственном уровне в тесной творческой связи с научным сообществом проводится большая, планомерная работа в сфере национальных и межнациональных отношений по пути их оптимизации [2, с. 9].

Башкортостан дорожит стабильностью и устойчивостью межнациональных отношений, которые сложились в силу исторических и политических причин. В результате многовекового взаимодействия тюркских, славянских и финно-угорских народов на территории республики сложились устойчивые традиции взаимного уважения и толерантности.

На примере Республики Башкортостан можно проследить все особенности положительного решения проблем, возникающих в межнациональных отношениях в регионах России. Полагаем, что изучение положительного опыта Башкортостана в укреплении межнационального согласия может быть успешно применено и в других регионах нашей многонациональной страны [3, с. 80].

Библиографический список

1. Игебаева Ф.А. Опыт Республики Башкортостан в укреплении межнационального согласия // Социально-политические науки. Москва, Издательский дом «Юр-ВАК», 2014, № 1, С. 50 – 52.
2. Хабибуллина А. Историко-культурные центры Республики Башкортостан // Ватандаш. Общественно-политический, научно-популярный и художественный ежемесячный журнал. – 2012, № 3. – С.9.
3. Игебаева Ф.А. Этническая толерантность – залог стабильности многонационального Башкортостана / Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений. Материалы международной научно-практической конференции в 2-х частях, ч. I. Саратов. Изд-во ЦПМ «Академия бизнеса», 2014. – С. 79 – 80.

ВОСПРИЯТИЕ ИРЛАНДИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ САМОСОЗНАНИИ

Н. Б. Шипулина
У. А. Сурьянинова

*Кандидат философских наук, доцент,
студентка,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. The analysis of cross-cultural relations Ireland and Russia. The basic parameters of their cultural similarities. Identified historical and contemporary forms of cooperation in various spheres of spiritual, practical and social life of the two countries and their cultures - in art, folklore, culture and living day to day items.

Keywords: culture Ireland; the ethno-cultural stereotypes; intercultural communication; Russian; cultural and social identity.

Актуальность исследования связана с тем, что ирландская культура в настоящее время не просто популярна в России, но и вошла в российскую действительность в виде воспринятых ирландских традиций (музыкальных, хореографических, праздничных). Большинство из этих традиций – коммерческий бренд, который сами ирландцы культивируют как гетеростереотип, устойчивый образ Ирландии у иностранцев. Поэтому необходимо исследовать культурные причины и источники такой стереотипизации, ведь ирландские танцы – это не только сценические шоу Майкла Флэтли, праздники – не только парад святого Патрика, литература – это не только Джойс и Йейтс, а музыка – не только группа Clannad.

Задачи исследования: 1) Проанализировать историю, мифы, легенды, символические образы Ирландии, выявить подлинные и стереотипические представления об ирландской культуре. 2) Выявить и определить критерии и параметры межкультурных связей России и Ирландии. 3) Установить особенности проникновения ирландской культуры в Россию и культурные причины такого взаимного интереса культур друг к другу.

Методы исследования: синхронический и диахронический анализ, компаративный анализ.

Исследование обладает научной новизной и теоретической значимостью, поскольку специальных компаративных исследований ирландской и российской культур на настоящий момент в культурологии и теории межкультурной коммуникации не существует.

Практическая социальная значимость исследования состоит в том, что основные положения и выводы работы могут быть использованы в самых разных формах международного сотрудничества Ирландии и России – в деловых, экономических, рыночных отношениях, во взаимодействии в сфере художественной культуры, в образовательных проектах и т. д. Также практическое значение данное исследование имеет и для использования

его материалов в преподавании таких учебных дисциплин в колледжах и вузах, как «Культура и межкультурное взаимодействие в современном мире», «Межкультурная коммуникация», «Культурология», «Этнология».

Ирландия и ее культура привлекла к себе внимание на международном уровне не так давно, а именно в 1990-е годы, когда страна переживала экономический подъем и продемонстрировала более или менее эффективное решение своих политических проблем. В это время страна переживала период процветания и породила к себе невероятный интерес не только своей культурой, но и как страна развивающаяся, экономически успешная, как площадка для перспективного размещения бизнеса, поэтому многие мирового уровня компании открывали в Ирландии в то время свои филиалы. В это же время Ирландия частично разрешила северо-ирландский конфликт, и за это урегулирование серьезных политических противоречий главы противоборствующих партий Джон Хьюм и Дэвид Тримбл в 1998 году были награждены Нобелевской премией мира. Тогда после образования свободного ирландского государства Ирландия всерьез испытывает кризис своей культурной идентичности и необходимость ее переосмыслить. И если для всех других народов такое осмысление связано с ответом на вопрос: «Кто мы, чем отличаемся от всех других стран?», то ирландцы свою культурную идентичность многие годы формировали от противного, отвечая на вопрос: «Кто мы в отличие от британцев?». Долгое время ответом на такой вопрос была конфессиональная специфика – католицизм в отличие от британского протестантизма. Но после 1990-х годов, когда католическая церковь уже не обладала таким преуважаемым и влиятельным социальным институтом, ключевым фактором формирования национальной идентичности стала для ирландцев их культура. И в Ирландии и в диаспорах по всему миру начинают массово праздновать День Святого Патрика, распространяются и становятся популярными ирландская традиционная музыка и хореография. Семиминутное внеконкурсное выступление танцевальной группы «Riverdance» на заключительном концерте музыкального песенного конкурса «Евровидение» в 1994 году было признано самым ярким, после чего выросло в двухчасовое шоу и стало известно всему миру.

В такой увлеченности Ирландией не осталась в стороне и Россия, в это же время переживающая сходные с Ирландией социально-культурные процессы обновления, переосмысления своих национальных идей и ценностей, строящая новую экономику. В таком притяжении, полагаем, у Ирландии и России были взаимные устремления.

Можно выделить несколько уровней рассмотрения проблемы восприятия ирландской культуры в современном российском самосознании.

Во-первых, на основе компаративного анализа мифологических и фольклорных текстов культуры можно увидеть определенные сходства мифологии и фольклора Ирландии и России, которые в свою очередь нашли отражение в образах и символах народного искусства – в музыке, литературе, хореографии, а также способы самоописания ирландского и

российского народов. Ирландцы никогда не называли себя кельтами, но, несмотря на это, мы связываем эти народы в единое целое, и поэтому ирландцы и кельты в нашем представлении тождественны друг другу. Один из авторов, исследовавших племена кельтов, Диодор Сицилийский пишет о том, что мужчины носили бороды, а некоторые брились. Страбон говорит о природном русом цвете волос и «очень влажной и белой» коже [4, с. 76]. Его слова подтверждают ирландские источники. Так в кельтских сказаниях чаще всего описываются люди с белокурыми волосами, овальными лицами и светлой кожей. Главный герой ирландских мифов Кухулин несколько отклоняется от идеального образа белокурого кельта, однако на самом деле его волосы имели три оттенка – черные у корней, каштановые в середине и белокурые на концах: «Трех цветов были его волосы – черные у кожи, кроваво-красные посередине, а сверху, словно корона, были они золотые» [3, с. 38]. У женщин-кельтов были длинные волосы, которые они сложным образом завивали или заплетали, зачастую закалывая гребнями, а иногда концы двух кос закрепляли золотыми и серебряными украшениями. Иными словами, типичные представители кельтского народа – высокие, могучие мужчины и женщины с белокурыми или рыжими волосами, серо-голубыми глазами, светлой кожей, овальными лицами и свежим цветом лица. Женщины носили распущенные или заплетенные в косу волосы, а мужчины могли быть гладко выбриты, носить усы или ходить с бородой. При сопоставлении внешнего облика кельтов и славян можно заметить явные черты сходства.

На основе компаративного анализа ирландской и российской праздничных культур можно обнаружить, что календарные праздники двух народов так же близки по культурным основаниям и истокам и являются культурными универсалиями. Кельты считали время ночами, и год в Ирландии делился на четыре основных части. Каждая часть года начиналась с великого религиозного праздника, на котором вспоминалась какая-либо культовая легенда. Праздник сопровождался пирами и весельем, ярмарками и базарами, играми и состязаниями, а также торжественными религиозными обрядами. В России также существуют сохранившиеся праздники обрядового фольклора, в основе которых лежат народные предания и поверья, связанные с календарным циклом. Например, праздник Ивана Купала, который приходится в ночь на 7 июля, когда «суженые» совершали брачные обряды, прыгали через костер, обменивались венками и купались в утренней росе. Или так называемые Троицко-семицкие гулянья («зеленые» святки), праздник Костромы и др.

Начало кельтского года знаменовал Самайн. В этот день кельты видели Иной Мир, и сверхъестественные силы свободно бродили в мире людей. Это было время страшной опасности и духовной ранимости. Для того, чтобы умилостивить призраки и духи, необходимо было следовать ритуалам при магических гаданиях [1, с. 94]. Самайн праздновали в ночь на 1 ноября и весь этот день. В настоящее время праздник носит название

День всех святых или Хэллоуин. На Руси также в этот переходный (от лета и сбора урожая к осени) период происходили значимые праздничные события – 1 сентября праздновался Новый год, примерно в дни кельтского Самайна у восточных славян происходило поминовение умерших, сопровождавшееся посещением кладбищ и приношением съестных даров умершим предкам, позднее после принятия православия перекодировавшееся в Дмитриевскую субботу – одну из самых важных в календарном году «Родительских» (суббот).

Также можно усматривать определенное сходство в образной символике фольклорных текстов и религиозно-языческих поверий кельтов и русских. И в одной, и в другой культуре значимое место занимают растения – деревья и цветы, выступающие и основанием для природно-антропологического параллелизма, и символическим способом передачи верований и мифологемы судьбы.

Вторым уровнем решения вопроса о сопоставлении ирландской и российской культур является выявление сходства менталитета Ирландии и России, их историко-культурных связей и пересечений, культурного обмена и заимствований.

Журналист Юрий Устименко еще в конце 1970-х гг. вдохновенно пишет в своей книге «Здравствуй, Ирландия!»: «Ирландия – удивительная страна, в которой неразрывно сплелись черты, присущие изумрудному и мятежному острову, – благодущие и горячность, щедрое гостеприимство и резкая отповедь врагам. Страна медлительная и беспокойная, упрямая и доверчивая, деловая и безмятежная, азартная и осторожная; страна фантазеров и прагматиков, философов и воинов, страна контрастов и гармонии. Ирландия никого не оставляет равнодушным. И когда узнаешь ее близко, обязательно полюбишь от всего сердца» [7, с. 156]. В этом перечне амбивалентных ментальных и культурных черт мы могли бы узнать и самих себя, именно этими характеристиками стереотипично наделяют русских иностранцы, именно они входят и в российский автостереотип. В силу такого сходства на протяжении истории можно обнаружить устойчивые взаимные притяжения наших народов и успешное сотрудничество и культурный обмен.

Взаимоотношения Ирландии и России, точнее части Великобритании и Российской Империи, можно обнаружить еще с давних времен. Известны случаи паломнических миссий в дохристианскую Русь, а также участие ирландцев в военных действиях на территории России как в качестве нападающей стороны, так и в рядах русских дружин. Так Питер Эдмунд Лэйси, уроженец Лимерика, участвовал в 1709 году в знаменитой битве под Полтавой, в которой войска Петра I разбили армию Карла XII.

Известны примеры взаимодействия Ирландии и России и в сфере духовной культуры. В 1804 году ирландский композитор Джон Филд дал свой первый концерт в Санкт-Петербурге, а уже в 1812 году прочно укоренился в России, и среди его учеников оказывается Михаил Глинка. Русские поэты 19 века с упоением переводили ирландские стихи. В 1862 году из-

гнанный навечно из Российской Империи и перешедший в католичество Владимир Печорин стал первым священником дублинской больницы Пресвятой Матери. Именно он, по мнению современников, стал прототипом известного Лермонтовского произведения «Герой нашего времени».

Самым известным бизнесменом русского происхождения в Ирландии стал Иван Бешов. Его судьба складывалась довольно непросто – в 1905 году он механиком участвовал в восстании на броненосце «Потёмкин», и после скитаний по Европе осел в Ирландии. Здесь основал собственный бизнес – закусочную Beshoff Bros, которая положила начало сети рыбных ресторанов. В 1920–1930-е годы у революционно настроенной части ирландцев проявился интерес к теории Всемирной социалистической революции, известны случаи контактов и взаимодействия между республиканцами и большевиками.

Во время Второй мировой войны, несмотря на то, что остров объявил нейтралитет, ирландские добровольцы воевали в составе Британской Империи, являющейся союзником СССР; поставляли боеприпасы, технику и продовольственные товары, и таким образом содействовали Антигитлеровской коалиции. Ирландский журналист белорусского происхождения стал редактором первой переводной Фронтальной газеты на русском языке «Британский союзник» [6, с. 122].

Самым ярким примером духовного родства ирландского и русского народа является популярность песни «Вечерний звон» на стихи Ивана Козлова, ставшей в России поистине народной. Оригинальные слова песни были написаны ирландским романтиком Томасом Муром. Хотя взаимных российско-ирландских поэтических переводов в эпоху романтизма было гораздо больше.

Немаловажную роль в становлении отношений России и Ирландии сыграла ирландская диаспора, проживавшая и работавшая в России в середине 1990-х годов. Численность ирландской диаспоры в Москве достигала 5000 человек. Ирландцы не только делились своими знаниями и опытом с новой Россией, но и привозили русскую культуру в Ирландию, способствуя культурному обмену. К наиболее известным деятелям этого межкультурного движения относятся Мария Кирнан в архитектуре, Майк Хоган и Джон Деларги в предпринимательской деятельности, Моника Локман в балете, Люк О Каллаган в спорте, Дебби Диган в сфере благотворительности.

Одна из общих культурных черт ирландцев и русских – любовь к песням и танцам. Ирландская танцевальная музыка разделяется на рилы (музыкальный размер 4/4), джиги (6/8) и хорнпайпы (4/4 и 2/4, 3/2, 9/4 и 9/8). С XIX века популярность приобрела ирландская полька, позднее появилась мазурка. Ирландский степ очень напоминает русскую чечетку, построенную на ритмическом отбивании ног. Да и русская «Барыня» или «Комаринская» не уступают своими притопами и прихлопами. Существует версия, что танец «Яблочко» появился как синтез кельтского хорнпайпа и русских народных плясок. Это яркий пример проникновения ирландской хореографии в

русские танцы. Сравнивая специфические особенности культурного самовыражения и самоутверждения наших двух народов в искусстве, можно выделить ряд общих черт характера ирландцев и русских: любовь к подвигу при грамотном умении избежать повседневной работы; упрямство; иррациональность; горький, местами алкогольный юмор; неожиданно и неукротимо меняющиеся состояния крайностей покорности и бунтарства; широта души, и взгляд на музыку и танец, как на целебное средство.

Важной особенностью и ирландской и российской культуры является самоирония, стремление критически осмеивать свои этнокультурные проявления. Свидетельством этому могут быть фильмы в жанре черной трагикомедии, в которых как в специфической визуально-философской и культурологической лаборатории или мастерской формируется, рефлексится и утверждается национальное и культурное самосознание. Ярким примером может быть фильм «Однажды в Ирландии» Джона Майкла Макдонаха, вышедший в 2011 году, в котором иронизируются ирландский расизм и неприятие чужих культур, демонстративное пренебрежение и принижение американской культуры и ее ценностно-нормативной системы при одновременном восторге от символов и образов американской массовой культуры (Дисней-лэнд), нарочитое игнорирование британской культуры в показном использовании валлийского языка, артикулирование составительных амбиций по отношению к России.

Значимым выводом исследования может быть утверждение весомого влияния массовой культуры на популяризацию ирландской культуры (кинематографа, индустрии праздников, массовое распространение музыкальных и хореографических традиций Ирландии). Общность Ирландии и России объясняется не только объективным сходством духовных, ментальных установок и культурных привычек; близостью образа жизни, мышления и культурного самовыражения в разных формах творчества; солидарностью в совместных проектах и сотрудничестве, но и глобализационными процессами, делающими «далекие» культуры «близкими», а также навязанными культурными авто- и гетеростереотипами.

Библиографический список

1. Афанасьев Г. Е. История Ирландии. М., «КомКнига», 2006.
2. Железнова И., Лебедев И. Эрин изумрудный. М., «Мысль», 1970.
3. Кельты. Ирландские сказания. М., «Арт-Флекс», 2000.
4. Лики Ирландии. Книга сказаний. М., «Летний сад», 2001.
5. Мортон Генри В. Ирландия. Прогулки по священному острову. М.: ЭКСМО, Мидгард, 2009.
6. Россия-Ирландия: коллективная память (материалы конференции 11-12 ноября 2005 г. Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино). М.: РОССПЭН, 2007.
7. Устименко Ю.В. Здравствуй, Ирландия! М., 1978.

IX. THE HISTORICAL ROLE OF THE RUSSIAN NATION IN THE FORMATION OF THE EURASIAN CIVILIZATION

RUSSIA'S GEOPOLITICAL ROLE IN THE MIDDLE EAST AT THE PRESENT STAGE IN THE CONTEXT OF SYRIA

D. A. Mustafa

*Graduate student,
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University),
Moscow, Russia*

Summary. The article explores the geopolitical role of Russia in the Middle East. Attention is focused on combating international terrorism in the context of the conflict in Syria. Russia should strive to stay in the Middle East, regardless of the changes in the political situation there.

Keywords: Middle East; Russia; Soviet Union; US; Arab Spring; ISIS, Syria.

The official Middle East trips of the Russian President in 2005 played an important role in the «comeback» of the Russian Federation to the Middle East after the fall of the USSR.

Following the collapse of the Soviet Union and the «Red Empire» the Russians forgot about their expansion into the Arab Middle East for a while. Now they often have to deal with saving the remaining of the Soviet Union's territories. With the growth of the world energy prices Moscow has once again resumed its thoughts about spreading its influence in the Middle East.

By this time only Syria has remained as one of the Soviet friends in the region, while Egypt under the leadership of Hosni Mubarak has completely crossed over to the Western camp. At the same time, Muammar Gaddafi was subdued by the unexpected US air strikes, and Saddam, was considerably weakened.

That is why Russia started to look for new alternatives in the Middle East.

At this point Moscow is considering friendship with the Shiites in the Middle East, given the fact that its relations with Iran, being the world Centre of Shiism, have become closer. It is against this background that once again the events which confused all the cards occurred – the revolution in the Arab countries.

At the beginning of the Arab revolutions Russia remained as a mere observer, only occasionally responding to them in some way, as a result of which it is quite rapidly that it lost Libya. However, with the outbreak of the Syrian civil war Russia began to act decisively. It fully came to the defense of the official Damascus, and some time after that with the split of the Syrian opposition into various sects Russia was forced to support the Shiite movements.

This confrontation has become a new page in the history of Russia's relations with the Shiites in the Arab Middle East. The available evidence suggests that Vladimir Putin's government is interested in reviving these relations.

Mass protests that swept the Arab world in 2011–2012 occurred in a number of North Africa countries and in the Middle East. In addition to the civil wars and revolutions in Tunisia, Egypt, Yemen, Libya and Syria, there were mass demonstrations in such countries as Algeria, Iraq, Jordan, Morocco, Kuwait, Oman, Lebanon, Mauritania, Sudan and Bahrain.

The current policy of the Russian Federation in the Middle East, as well as its foreign policy as a whole, is the result of the synthesis of almost all directions, which dominated the country in the last 100 years.

The turbulent events in the Middle East have forced the world's leading countries to adapt their policies and, in some cases, to support one or the other of the warring parties. Just like many other countries, Russia was taken by surprise at the beginning of the «Arab Spring».

With regard to the civil war in Syria, Russia has strongly defended its position by supporting the existing legitimate government of the country. The Russian government has repeatedly called for the normalization of the situation in Syria through national dialogue, without the intervention of foreign powers.

By analyzing the threats and the impact of the «Arab Spring» on the situation in Russia, it is necessary to primarily name the threat posed by religious extremism and international terrorist networks, whose bases are located in this region. This is exactly where the makeup of the underground radical Islamism in the North Caucasus and in some other Russian regions is coming from.

After the Arab Spring, Moscow is trying to restore the position of the former Soviet Union to strengthen its influence in the Middle East.

I am firmly convinced that Russia should strive to stay in the Middle East, regardless of the changes in the political situation there. Russia should be actively involved in the ongoing processes in the region and support its old friends, which will ultimately help find new ones. Russia's participation in the achievement of a comprehensive settlement in the Middle East is dictated by the fundamental interests of counters, such as: a) preventing the escalation of the military-political conflicts in the region onto the Russian territory; b) opposition to the US hegemony, which is particularly relevant in light of recent developments in bilateral relations; c) increase in the volume of foreign trade with the Middle Eastern countries.

The Russian operation in Syria is carried out in support of and for the period of offensive actions of the Syrian armed forces, which are fighting a war against terrorists and extremist organizations, – D. Peskov said.

The Russian aviation in cooperation with the Syrian intelligence has been successfully conducting an operation against ISIS in Syria since 30 September. By arrangement with the Syrian authorities the Russian aircrafts have been carrying out air strikes, while the government army acting on the ground.

At present the Russian military operation in Syria is making good progress, which can be evidenced by the rescue of the occupied territories from ISIS and other terrorist groups, by the restoration of urban infrastructure on the liberated territories (schools are beginning to open and operate, the supply of water and electricity is being recovered in hospitals, discussions are being conducted regarding the Russian programs for the restoration of the education system, trade, social and technological development of the country). At that, unlike the United States, Russia does not impose its opinion on the political management of the country. Such position is beneficial for all the countries in the Middle East.

The consequences of this Russian policy in the Middle East, especially in Syria, can contribute to the return of refugees to their homeland.

Bibliography

1. Azimov A. Middle East. History Ten thousand years. – Moscow, 2006.
2. Grishin O. Sustainability of political system: notion, approaches, regulators // Modern problems of science and education. – 2015. – №1-1. – S.1924.
3. Donaj L. Federacja Rosyjska wobec arabskiej wiosny ludów. Wybrane problemy // National and International Security in the Region of MENA. – Lodz, WSMiP UŁ, 2014.
4. Khazanov A.M. The Arab Spring and the position of Russia. – Moscow, 2012.
5. Kreutz A. Russia in the Middle East. – London, 2007.
6. Malashenko A. Russia and Arab Spring. – Moscow, 2013.
7. Mustafa D.A. The Islamic State as a result of the «Arab spring»: some causes and consequences of activity // Eurasian Law Journal. – 2015. – №11(90). – S.320-322.
8. Naumkin V.V. The international dialogue of cultures and nation-states // World civilization and revolutionary maelstrom of the Middle East. Section 1. – Moscow, 2011.
9. Sotnikov V. A reluctant Russia in the Middle East? - Moscow, 19 Oct., 2015.
10. Stephen J. Blank Russia in the Mideast Diplomasy: How new the new Russia? USA, 2007.
11. Tolan, Sandy. The Lemon Tree: An Arab, a Jew, and the Heart of the Middle East. - New York: Bloomsbury Pub., 2006.

X. THE MAIN VECTORS OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE EURASIAN SPACE

ДИНИЙ ЭКСТРЕМИЗМ ВА ТЕРРОРИЗМГА ҚАРШИ КУРАШДА ЎЗБЕКИСТОННИНГ МАРКАЗИЙ ОСИЁ ДАВЛАТЛАРИ БИЛАН ҲАМКОРЛИГИ

Қ. Т. Инамов

*Катта ўқитувчи,
Наманган давлат университети,
Наманган, Ўзбекистон*

Summary. The main ideas of the article are based on the established firm relations between the countries of Central Asia and Uzbekistan to fight against terrorism and extremism which is becoming more and more globalized from day to day. In addition, important advices on avoiding terrorism and extremism are given.

Key words: extremism; terrorism; Central Asia; globalized.

Инсоният юксак орзу-умидлар билан қадам қўйган XXI асрда ҳам халқаро террорчилик ёвуз қиёфасини намоён қилишда давом этмоқда.

Глобал муаммога айланиб бораётган экстремистик гуруҳ ва ташкилотларнинг бузғунчилик таъсири Марказий Осиё мамлакатлари, жумладан, Ўзбекистонни ҳам четлаб ўтмади.

Унга қарши мурасасиз кураш олиб бораётган Ўзбекистон ички ва ташқи сиёсатида муҳим чора-тадбирлар қўлламоқда. “Бугунги кунда, – деган эди Ўзбекистон Республикасининг Биринчи Президенти Ислоҳ Каримов, халқаро терроризм, экстремизм ва радикализмга қарши кураш, дунё мамлакатларини бирлаштирадиган асосий омил бўлиб қолмоқда. XXI аср вабоси бўлган ушбу иллатга қарши жаҳон ҳамжамиятининг мурасасиз курашини Ўзбекистон қувватлайди” [2].

Диний экстремизм ва террорчиликнинг мақсади минтақада ривожланиб бораётган барқарор жамиятни издан чиқариш, давлатлар ва миллатлар ўртасида низо солиш, янгидан-янги уруш ўчоқларини очиш, дунёвий давлат ўрнига диний-сиёсий тузум ўрнатишдан иборатдир.

Марказий Осиё мамлакатлари билан Ўзбекистон ўртасида терроризмга қарши кураш борасида мустаҳкам алоқа ўрнатилган. Жумладан, 1999 йил 4 июнда “МДХ иштирокчи давлатларнинг терроризмга қарши курашда ҳамкорлик шартномаси”, 1999 йил 30 июнда “Ўзбекистон ва Тожикистон Республикалари ўртасида терроризм, сиёсий, диний экстремизм, наркотик ва психотроп моддаларнинг ноқонуний савдосига қарши ҳамкорликда курашиш тўғрисидаги келишув”, 2000 йил 21 апрелда Қозоғистон, Қирғизистон, Тожикистон ва Ўзбекистон ўртасида

“Терроризм, сиёсий ва диний экстремизм, трансмиллий уюшган жиноятчиликка қарши, томонларнинг барқарорлиги ва хавфсизлигига солинаётган бошқа таҳдидларга қарши курашда биргаликдаги ҳаракатлар тўғрисида”ги шартнома”, 2001 йил. 29 январда “Қозоғистон, Қирғизистон, Тожикистон ва Ўзбекистон Республикалари томонларининг барқарорлиги ва хавфсизлигини таъминлаш мақсадида терроризм, сиёсий ва диний экстремизм, трансмиллий ва уюшган жиноятчиликка қарши ҳамкорликда курашиш тўғрисида келишув” имзолангангани фикримизнинг далилидир.

Ўзбекистоннинг Марказий Осиё ҳамкорлиги ташкилоти (МОХ) доирасидаги фаолияти ҳам диққатга сазовордир. Бу эса ташкилотга аъзо давлатлар худудида жинойи, террорчи гуруҳларни нейтраллаштириш ва бартараф қилиш бўйича махсус операциялар ўтказишга имконият яратмоқдаки,

“... халқаро терроризмга қарши курашда жаҳон ҳамжамияти, биринчи галда, минтақамиздаги давлатлар билан боҳамжиҳат ҳаракат қилишимиз даркор” [1] лиги бир неча бор эътироф этилган эди.

Юртимизда худуд хавфсизлигини таъминлаш, халқаро терроризмга қарши кураш олиб бориш ҳамда барқарорликка раҳна солувчи бошқа таҳдидларни бартараф этиш бўйича Шанхай ҳамкорлик ташкилоти доирасидаги ҳамкорликни ривожлантиришга алоҳида эътибор берилмоқда.

Ўзбекистоннинг бу борадаги ҳамкорлиги 2001 йил 15 июндаги “Терроризм, айирмачилик ва экстремизмга қарши кураш ҳақидаги Шанхай Конвенцияси”да, 2002 йил 7 июндаги “ШХТга аъзо давлатлар ўртасидаги регионал антитеррор тузилмаси ҳақидаги келишув”, айниқса, 2004 йил 17 июнда Тошкентда ШХТга аъзо давлатлар раҳбарлари томонидан қабул қилинган Тошкент Декларациясида терроризм, сепаратизм ва экстремизмга қарши курашнинг самарадорлигини оширишда ҳамкорликни янада мустаҳкамлаш зарурлигини эътироф этилиб ва Ўзбекистоннинг янги таҳдидларга қарши курашни мустаҳкамлаш мақсадида Хавфсизлик Кенгашлари Котиблари учрашувини доимий равишда ўтказиш ҳақидаги ташаббуси қўллаб-қувватланди. 2005 йил 5 июлда ШХТга аъзо давлатлар томонидан Қозоғистоннинг Остона шаҳрида “Терроризм, экстремизм ва сепаратизмга қарши кураш Концепция”си қабул қилинди. Концепцияда терроризм, экстремизм ва сепаратизмга қарши кураш бўйича Марказий Осиё давлатларининг асосий мақсад ва принциплари, йўналиш ва ҳамкорлик шакллари белгилаб берилган. Ўзбекистоннинг Биринчи Президенти И. Каримов эътироф этганидек, “Бугунги кунда ШХТ халқаро ҳамкорликнинг қудратли институтига, хавфсизлик ва барқарорликни таъминлашнинг, халқаро террорчилик, сепаратизм ва экстремизм, наркотик моддалар ишлаб чиқариш ва ташиш каби замоннинг энг қалтис таҳлика ва таҳдидларга қарши курашнинг кучли омилига айланмоқда”.

Диний экстеремизм ва терроризмга қарши курашда нималарга аҳамият бериш долзарб аҳамиятга эга? Бизнингча, Ҳозирги кунда диний экстремизм мафкурасига, қўпоровчилик-террорчиликка қарши курашдаги

асосий вазифа-аҳоли ўртасида айниқса ёшлар билан олиб бориладиган тарғибот-ташвиқот ва тарбиявий ишларни изчил, чуқур ўйланган тизим асосида ташкил этиш ва уларнинг таъсирчанлигини кескин кўчайтиришдир. Натижада бугунги кунда хорижда ишлаётган ёки тахсил олаётган ёшлар экстремистик оқимларнинг таъсиридан ҳимояланиб, фирибгарлар, сохта ишбилармонларнинг алдовига учмайдилар. Бу, энг аввало маърифат ўчоғи бўлган мактаб, лицей коллеж ва олий таълим зиммасига катта масъулият юклайди. Зеро, ёш авлодни ҳаётга қатъий эътиқод ва қарашлар руҳида, менталитетимизга ёт бўлган зарарли таъсирлар ва оқимларга қарши тура оладиган миллий ҳамда умуминсоний қадриятларга ҳурмат руҳида тарбиялаш бугуннинг кечиктириб бўлмас вазифасидир.

Бизнингча, минтақада, диний экстремизм ва терроризмга қарши курашда қуйидаги масалаларга муҳим эътибор қаратиш лозим.

- Марказий Осиё давлатлари ҳудудида терроризм ва экстремизмни келтириб чиқарувчи сабаб ва шарт-шароитларни аниқлаш ҳамда бартараф қилиш учун ҳуқуқий базани такомиллаштириш;

- Терроризм, экстремизм ва сепаратизмга дахлдор шахсларнинг Марказий

Осиё давлатлар ҳудудига суқулиб кириш йўллари аниқлаш ва уларга қарши кескин чора-тадбирлар белгилаш;

- Ироқ ва Сурия ҳудудида ИШИД каби террорчи ташкилотлар таркибида бузғунчи ғояларга эргашган Марказий Осиё, хусусан, Ўзбекистон фуқароларининг сароб бўлган тақдирлари акс этирилган воқеаларни оммавий ахборот воситаларида мунтазам бериб бориш лозим.

Хулоса қилиб айтиш жоизки, минтақамизда жойлашган барча давлатлардан экстремизм ва терроризмга қарши курашда ҳамкорликни кучайтириш, бир ёқадан бош чиқариб, бундай уринишларга кескин зарба бериш, ҳар қандай тажовуз ва террорчилик хуружларининг олдини олиш, ёвуз мафкуравий заминини йўқотиш ва аввало, ёшларнинг қалби, онги ва соғлом тафаккури учун кураш олиб бориш учун ҳар биримиз масъулдирмиз.

Библиографик рўйхат

1. Каримов И. А. Ватанимиз тинчлиги ва хавфсизлиги ўз куч-қудратимизга, халқимизнинг ҳамжихатлиги ва букилмас иродасига боғлиқ. Наманган ҳақиқати рўзномаси. 2004 й. 3 б.
2. Каримов И. А. Хавфсизлик ва барқарор тараққиёт йўлида. Т. 6.-Т, : Ўзбекистон, 1998. 54-бет

ДИНИЙ ЭКСТРЕМИЗМГА ҚАРШИ КУРАШДА ЎЗБЕКИСТОННИНГ ЎРНИ

Қ. Т. Инамов

*Катта ўқитувчи,
Наманган давлат университети,
Наманган, Ўзбекистон*

Summary. In this article is shown our current aim to build law-based democratic state and civil society and in this way some suggestions on avoiding emerging religious extremist and terroristic ideas actions are given. Furthermore, there are also some opinions about protecting the youth and their outlook and spirituality from the influence of this organizations.

Keywords: civil society; terroristic ideas; religious extremism.

XXI асрда инсоният бекиёс даражада ривожланган фан-техника ютуқларидан бахраманд бўлиш билан бирга, инсоният олами ҳаётига жиддий таҳдид солаётган диний экстремистик ғоялар ва террорчилик хуружларга дучор бўлмоқда. Инсониятнинг тинч ва осуда ҳаётига раҳна солаётган диний экстремизм ва халқаро терроризм хуружлари ҳамда бузғунчи ғояларига қарши кескин ғоявий кураш олиб бориш, бу соҳада барча мамлакатлар фаолиятини бирлаштириб ўзаро ҳамкорлигини таъминлаш долзарб вазифалардан бирига айланди. Терроризмнинг тажовузидан ўзини холи ҳис қиладиган бирорта китъа ёки давлатнинг ўзи йўқ.

Ҳозирги вақтда дунёда 500 га яқин террорчи экстремистик ташкилотлар мавжуд бўлиб, уларнинг аксарияти диний характердаги ташкилотлардир.

2006 йилнинг октябрь ойида “Ал-Қоида” террорчи ташкилотининг “Жайш ат-Тоифа ал Мансур”, “Жайшу аҳли сунна вал Жамоа”, “Жай шул Фотиҳин”, “Жун ас- Саҳоба” каби гуруҳларнинг бирлашуви асосида “Ироқ ислом давлати ” (ИШИД) ташкилоти юзага келди.

Экстремистик гуруҳларнинг ҳали ҳаёт ва турмуш кечиришнинг тажрибасига эга бўлмаган ёшлар тақдирини белгилаб бераётгани ташвишлидир.

Ўзбекистонда турли диний экстремистик ва террорчилик таҳдидлар ва ғояларидан ҳимояланишни ташкил этиш, айниқса, ёшларнинг уларнинг таъсирига тушиб қолишининг олдини олиш, фуқароларни бузғунчи ғоялардан огоҳ этиш долзарб вазифаларимиздан биридир. Зеро, ижтимоий-сиёсий онги шаклланиб улгурмаган, мустақил фикрга ва тўлақонли дунёқарашга эга бўлмаган ёшларга халқаро терроризм ва экстремизм ғоя ва қарашларининг ва бузғунчилигини илмий жиҳатдан фош этиш, уларнинг асл мақсадлари ва моҳиятини очиб бериш муҳимдир.

Мисол учун, баъзи ёшларни йўлдан чалғитаётган диний экстремизм хавфини олайлик. Бу хатарли оқим ўзига хос тарихга эга. Хусусан, 80-йилларнинг охирида мамлакатимизда ўзини “дўст”, “диндош”, “миллатдош” қилиб қўрсатиб, гўё ислом динининг софлиги учун курашга

“даъват” этувчи айрим кимсалар кириб келди. Улар муқаддас динимизнинг асл моҳиятини билмайдиган оддий одамларни, ғўр ёшларни тузоғига илинтириб, носоғлом диний ақидаларни ёйишга уринди [1].

Ҳуқуқий демократик давлат ва фуқаролик жамияти барпо этиш пировард мақсадимиз экан, бизга ёт бўлган диний экстремизм ва террорчилик ғоялари ва ҳаракатларининг келиб чиқиши, бу оқимларнинг мамлакатимизга айниқса ўсиб келаётган ёшларнинг маънавияти ва дунёқараши, мафқурасига таъсир этишга йўл қўймаслик учун қўйидаги мақсад ва вазифаларга эътибор қаратиш лозим:

Биринчидан, ёшлар билан олиб бориладиган тарғибот-ташвиқот ва тарбиявий ишларни изчил, чуқур ўйланган тизим асосида ташкил этиш ва уларнинг таъсирчанлигини кучайтириш;

иккинчидан, экстремизм ва террорчиликнинг жамиятга, айниқса, ёшлар онгига ғоявий ва мафқуравий таъсирини олдини олишда ижтимоий институтларнинг ўрни ва ролини кўрсатиш;

учинчидан, ёшларга мамлакатимиз тараққиётига раҳна солаётган экстремистик ва террорчилик ҳаракатларининг асл мақсад ва муддаолари нималиги, уларнинг эл-юртимизга, кадриятларимизга, муқаддас динимизга қандай зарар етказишини тушунтириб бериш;

тўртинчидан, динлараро бағрикенглик ғоясининг маънавий-тарбиявий аҳамиятини, аввало, ёшларга дин кўпорувчилик воситаси эмас, аксинча, эзгуликка хизмат қиладиган руҳий ҳодиса эканини англашти;

бешинчидан, турли экстремистик кайфиятдаги тузилмаларни ёшларга таъсир этишини олдини олиш мақсадида таълим муассасалари ҳамда фуқароларнинг ўзини-ўзи бошқариш идоралари, диний маърифат ва маънавий ахлоқий тарбия масалари бўйича маслаҳатчилари хотин-қизлар кумиталари билан тарғибот-ташвиқот ишларини йўлга қўйиш,

олтинчидан, юртимизда миллатлараро тотувликни мустаҳкамлаш, халқимизнинг миллатчилик ва шовинизм, маҳаллийчилик ва уруғ-аймоқчилик, каби иллатлардан сақлаш,

еттинчидан, диний экстремизм, ақидапарастик ва бошқа ёвуз оқимларнинг минтақамизга кириб келиши ва тарқалишига қарши курашда Марказий Осиё давлатлари билан ҳамкорликни янада кучайтириш,

саккизинчидан, ёшлар тафаккурида юксак ахлоқий, маънавий кадриятларни қарор топтириш ва мустаҳкамлаш орқали уларни ёвуз кучларга қарши курашга сафарбар этиш зарур. Терроризм ва диний экстремизмни олдини олишга қаратилган фаолиятида давлат ва жамоат ташкилотлари, ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари, таълим-тарбия муассасалари, аҳолининг барча қатламлари четда турмаслиги ва энг аввало, бутун эътибор фуқароларнинг ҳуқуқий онги, маънавиятини юксалтиришга қаратилиши мақсадга мувофиқдир.

1. Каримов. И.А. Миллий истиқлол мафқураси-халқ этиқоди ва буюк келажакка ишончдир. Тошкент- Ўзбекистон. 2000, 9 бет.

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР
В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ –
ПЕРИФЕРИИ МИРОВ-ЭКОНОМИК ВИЗАНТИИ
И САСАНИДСКОГО ИРАНА В V–VI ВВ.**

Ю. А. Прокопенко

*Доктор исторических наук, доцент,
Северо-Кавказский
федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия*

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the cultural influence of Byzantium and Sassanid Iran medieval empires in V–VI centuries, the culture of tribal aristocracy central Caucasus.

Keywords: the interaction of cultures; Byzantium; Iran; imported items; cultural influence; Central Ant.

Как отметил известный историк – представитель школы «Анналов» Ф. Бродель, мир-экономика – это сумма индивидуализированных изолированных экономических и неэкономических пространств, которые перегруппированы миром-экономикой, занимающим обширную территорию и обычно пренебрегающим границами других крупных экономических образований истории [3, с. 13–14]. По мнению Ф. Броделя, миры-экономики существовали с давних времен. Такими мирами являлись: древняя Финикия, Карфаген, Эллинистический мир, Рим, Китай, Мусульманский мир и др.

Мир-экономика имел городской полюс, город, где сосредотачивались обязательные элементы, обеспечивавшие его деловую активность: информация, люди, товары, капиталы, торговая корреспонденция. Законодателями там были крупные богатые купцы. По мнению исследователя, такой центр на более или менее почтительном расстоянии окружали города – перевалочные пункты, которые выступали компаньонами и соучастниками. Их деятельность согласовывалась с деятельностью метрополии. Функциями перевалочных пунктов были: охрана метрополии, направление потока дел, распределение доверенных богатств.

В каждом «мире-экономике» выделены три ареала: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и огромные внешние окраины. В его центре (исследователь его называет «сердцем») сосредоточено все самое передовое. Следующему звену – зоне «блистательных вторых» – доступна только некоторая доля данных привилегий.

Периферийные зоны, по мнению Ф. Броделя, также, пересекаются караванами. Высокие цены в конце торговых цепочек являлись неизменным побудительным мотивом: один знак и все приходило в движение в центрах «мира-экономики» и на удаленном расстоянии от них. Под этим механизмом Ф. Бродель понимал жизнь обменов [3, с. 16, 19, 21, 24, 28, 32, 38].

Как уже было отмечено, Ф. Бродель кроме центров миров-экономик выделил зоны действия блистательных вторых. Но для полного понимания особенностей взаимодействия мира-экономики и варварской периферии следует отметить возникновение на границе посреднических коммуникационных центров. Назовем их условно «искрящимися третьими». Особенности их функционирования являются: пульсирующая деятельность; обязательное варварское окружение; функция трансляции в социокультурное пространство варварских племен политической воли центров миров-экономик, а также господствующих конфессиональных традиций и веяний моды: военной, костюмной и церемониальной. Также, важными задачами являлись: набор воинов-наемников, скупка рабов-пленников и различного сырья. В непосредственной близости от «искрящихся третьих» возникают варварские центры власти.

В IV–VI вв. территория Центрального Предкавказья являлась периферийной зоной миров-экономик Византийской империи и Сасанидского Ирана. Взаимодействию с населением Предкавказья способствовали функционирующие на окраине городские центры (искрящиеся третьи). В их числе следует отметить города, являвшиеся трансляторами позднеимперской культурной традиции из «блистательных вторых» Средиземноморья, а также центров северной периферии Восточной и Западной Римских империй – Себастополис и города Боспора: Танаис, Фанагория, Пантикапей.

В конце 70–80 гг. IV в. активизируется жизнедеятельность Танаиса. Широкое распространение полихромных украшений, декорированных филигранным орнаментом из проволоки и зерни связано с периодом сравнительной стабилизации политической обстановки в Северном Причерноморье, возрождением старых земледельческих и ремесленных центров, в том числе и Боспора. Украшения, хотя и представлены новыми формами орнамента и техники, в целом продолжают традиции боспорского ювелирного искусства. Вероятно, что именно Боспор был одним из центров производства полихромных украшений гуннской эпохи.

Боспорские и закавказские центры, выступавшие в роли «искрящихся третьих» (по нашему определению), ориентировались на вкусы тюркской и аланской знати, поэтому в качестве образцов для ювелирной продукции скорее всего старались использовать излюбленные формы мужского и женского костюмов кочевников, а также престижные привозные вещи средиземноморской и германской моды.

Политические и торговые связи с более отдаленными регионами, прежде всего, со Средиземноморьем, иллюстрирует ряд категорий украшений (гривны, фибулы и др.), выполненные в полихромном стиле.

Поступление в Предкавказье определенных категорий украшений приводит к попыткам налаживания в регионе производства их подражаний. В частности, двухпластинчатые фибулы V–VII вв., характерные для германского костюма, украшенные «изящной сканью» и вставками из граната, сердолика и янтаря, из погребений Центрального и Восточного Предкавказья, являются продукцией северокавказских мастеров [1, с. 129–140]. Хотя форма их напоминает западные аналогии, более грубое исполнение явно свидетельствует об их местном исполнении.

Следует предположить два возможных варианта появления средиземноморских украшений (например, лепестковые фибулы с вставками из полудрагоценных камней или стекла (30 экз.) и др.) в Центральном Предкавказье.

Вариант 1 является отражением варианта эффекта «кругов на воде» – волнообразное распространение моды от центра к периферии. Использование лепестковых брошей в аристократическом костюме крупных малоазиатских и других центров Восточно-римской империи характерно для второй половины IV – первой половины V в. н.э. На стадии завершения моды в «столицах», в первой половине V в. н.э. такие броши в качестве особо престижных утверждаются в периферийных городах (в зоне блистательных вторых по Ф. Броделю), в том числе на границе с варварами (в центрах искрящихся третьих). Здесь в течении V – первой половины VI в. н.э. наряду с эталонными экземплярами начинают использоваться местные более дешевые броши (например, в Апсилии (территория Абхазии) лепестковые фибулы с выгнутой лучковой основой) [4, с. 181, рис. 10, 11].

Через приграничные центры (зона «искрящихся третьих» - Себастиополис и др.) в начале V в. н.э. первые образцы лепестковых брошей проникают на Северный Кавказ (они – золотые, имеют каменные вставки и инкрустированы проволокой). Здесь они вскоре упрощаются (камни заменяются стеклянными вставками; золотую основу меняют на бронзовую) и становятся обычными для основной массы свободных общинников (местного «среднего класса») – уровень 2 захоронений по А. В. Мастыковой.

Именно эффектом «расходящихся кругов на воде» следует объяснять одновременное распространение близких по форме брошей – в Тюрингии, в Апсилии, в Центральном Предкавказье, явно имеющих общие прототипы.

Вариант 2 – импульсное (кратковременное) распространение импортных украшений определенных типов. В качестве возможных причин транспортировки могут быть: функционирование торговых путей, перемещение групп населения, военные походы, дипломатические дары вождям варваров, межэтнические браки и др. [12, с. 133, 136, 138, 139].

Средиземноморское происхождение имеет, также, большая группа «солярных» фибул-брошей, зооморфных фибул-брошей в виде птичек, подвесок и аппликаций, импортировавшаяся в Предкавказье (памятники Кабардино-Балкарии и верховьев Кубани) [7, с. 239].

Существует аргументированное мнение [8, с. 163–164], что сосредоточение перечисленных находок в Пятигорье и долине Баксана, вкупе с другими импортами (египетские «крапчатые» и хрустальные бусы и др. [10, с. 139, 145, 151]), выявленными здесь же, свидетельствует о существовании на данной территории в V–VI вв. центров власти. Такие фибулы попадали к населению Центрального Кавказа через местную варварскую знать, имитирующую престижный имперский убор.

Зона влияния «искрящихся третьих» видимо способствовала и развитию местных межрегиональных связей. В частности, в Центральное Предкавказье в одном потоке с византийскими и отдельно через Дарьяльское ущелье завозились гагатовые бусы производства иберийских мастерских [7, с. 239].

Явно привезенными из Византии считаются найденные в Пятигорье стеклянные сосуды: бутылки, сосуды на ножке-поддоне, кубки, стаканы и чаши разных форм [2, рис. 75, 6–16]. На стенки подавляющего их большинства нанесены капли синего стекла, что позволяет отнести их к группе стеклянных сосудов Северного Причерноморья IV – начала V в., характерных для городов Боспора, в первую очередь Пантикапея и распространенных в Восточном Причерноморье. Широкое их бытование на Боспоре связано, по мнению Н. П. Сорокиной, с появлением среди боспорской знати моды на предметы с инкрустацией. Стеклянные сосуды в Причерноморье сначала появились в крупных городах (в первой пол. – третьей четв. IV в.), а затем распространились и на периферии [14, с. 99, 100.].

Кроме украшений, монет и стеклянной посуды производства средиземноморских мастерских в Предкавказье попадали престижные предметы воинского костюма. В их числе следует назвать гривны с золотыми медальонами (Клин-Яр), мечи с гардами, декорированными в полихромном стиле «клуазоне» (мог. Лермонтовская скала, погр. 10; мог. Мокрая Балка, погр. 123; находка на территории Карачаево-Черкесии) и ножи-скрамасаксы в ножнах, украшенных полихромными вставками и чешуйчатым декором (мог. Зарагидж, погр. 118; мог. Байтал-Чапкан, погр. 17) [9, с. 332; 12, с. 56–58].

Находки парадных византийских мечей, маркирующих захоронения представителей знати, локализуются в районе Кавминвод и, видимо, на прилегающих к нему территориях Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Концентрация богатых могил V в. с престижным оружием и убором может свидетельствовать о существовании здесь политического формирования типа «варварского королевства» (предгосударственная, наиболее развитая форма вождества) с военизированной знатью во главе [10, с. 138, 152, 154].

Ряд товаров, иллюстрирующих культурные и экономические связи местного населения, поступали по юго-восточному торговому направлению. Этому способствовали функционирующие центры – «искрящиеся

третьи» периферии Сасанидского Ирана: Дербент, Баб ал-Лан, города Кавказской Албании и Иберии и др.

В частности, через Дарьяльское ущелье поступали серебряные сасанидские сосуды (Урсдон, Грозный) и изделия из сирийского стекла. Чаши массивные литые, из непрозрачного стекла, имеют полушаровидную или баночную форму; украшены рядами овальных или пятиугольных фасеток (Камунта, Чми, Архон) или накладным орнаментом из дуг (Камунта, Лац) [11, с. 85; 15, с. 96].

С функционированием транспортных восточных направлений связан завоз некоторого количества предметов, являющихся принадлежностью иранского воинского костюма – поясов, мечей и др. К таковым следует отнести меч в ножнах с вертикальной пластиной, декорированной вставками из гранатов V в. н.э. из погребения 2 у с. Брут [5, с. 108–109] и парадный кинжал из погребения 7 некрополя у с. Брут [6, с. 96–98].

Сасанидское влияние на территории Северной Осетии было более выраженным, чем в западной части Северного Кавказа. Большое количество сасанидского импорта, представленное в восточной части ареала распространения аланских племен, характеризует военно-политические, культурные и экономические связи местных племен с Ираном. На территории западных алан, поддерживающих Византию, выявленные предметы сасанидского производства локализируются в основном в Пятигорье.

Таким образом, концентрация престижных византийских и иранских вещей в определенных районах Предкавказья, локализует варварские центры власти. Как правило, они располагались поблизости от «искрящихся третьих» - пульсаров периферии Миров-экономик. Их длительное взаимодействие приводило к формированию политических, социокультурных и экономических узлов, с одной стороны, укреплявших периферию Мира-экономики, с другой стороны влиявших на развитие социокультурного пространства населения Предкавказья.

Библиографический список

1. Абрамова М. П. Римские провинциальные фибулы IV - V вв. на Северном Кавказа // Историко-археологический альманах. № 1. - Москва-Армавир, 1995.
2. Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III - V вв. н.э. - Москва, 1997.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV - XVIII вв. Т. 3: Время мира. - Москва, 1992.
4. Воронов Ю. М. Захоронения женщин с брошами в могильниках Апсилии (Абхазия) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. - Симферополь, 1995. - Т. 4.
5. Габуев Т. А. К вопросу о культурной атрибуции золотых предметов V в. н.э. из кургана 2 могильника Брут I из Северной Осетии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. - Магас, 26 – 30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас: ООО «Пилигрим», 2010.

6. Габуев Т. А. К вопросу о культурной атрибуции золотых предметов V в. н.э. из кургана 2 могильника Брут I из Северной Осетии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. - Магас, 26 – 30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас: ООО «Пилигрим», 2010.
7. Мастыкова А. В. Хронологические индикаторы в женском костюме Центрального Предкавказья постгунского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов конференции. Магас, 26 – 30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. - Магас: ООО «Пилигрим», 2010.
8. Мастыкова А. В. Кавказские птицевидные фибулы-броши эпохи Великого переселения народов // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции Грозный, 18 – 21 апреля 2016 г. - Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2016.
9. Казанский М. М. К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказа: кинжал и скрамасакс // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретация. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции Махачкала, 23 – 28 апреля 2012 г. - Махачкала: Издательский дом Мавраев, 2012.
10. Казанский М. М., Мастыкова А. В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V - VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей. - Москва, 2000.
11. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. - Москва, 1967.
12. Прокопенко Ю. А. К вопросу о типологии и хронологии многолепестковых инкрустированных фибул из памятников Центрального Предкавказья V - VI вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. - Армавир, 2010. - Вып. 11.
13. Прокопенко Ю. А. Парадный меч с инкрустированной гардой, обнаруженный на территории Карачаево-Черкессии // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III. Материалы Международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения краеведа. - Армавир - Отрадная, 2015.
14. Сорокина М. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология. - 1971. - № 4.
15. Чижова А. А. Связи раннесредневековых аланских племен Северного Кавказа со странами Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971 - 2006. - Москва; Ставрополь, 2008.

XI. THE INTERACTION OF VALUES OF EAST AND WEST AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF WORLD CIVILIZATION

ИССЛЕДОВАНИЕ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В США: ИСТОРИЯ, АНАЛИЗ И ДОСТИЖЕНИЯ УЧЕНЫХ

Э. Р. Мирджалалова

*Преподаватель,
Ташкентский политехнический
профессиональный колледж,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. In the article author examines, analyses and gives her own opinion about the history of Arab-muslim researches the USA, gives brief and approachable information about development, extention and progress of Islamic studies. The article includes the period from 1960 years until present days. Moreover, it reveals ponderable and renowned American scholars' step-by-step investigated scientific works in the sphere of Arab-muslim culture, and of course, Islamic studies in general.

Keywords: Arab-muslim culture; Islamic study; American School for Oriental Study and Research; American Islamic scholars.

В условиях эпохи глобализации особенно актуальной становится желание всех стран и народов жить в мире друг с другом. Достижение этой цели возможно лишь на основе диалога и взаимного сотрудничества. В контексте глобальных вызовов современности следует говорить не только о диалоге различных локальных культур и религий, но также и о сосуществования в одном месте представителей разных культур и религий. Сегодня обострилась проблема совместного проживания больших конфессиональных, этнокультурных сообществ. Это актуально не только для Запада, но и для России, Средней Азии и других стран.

Таким образом, в XXI в. исламоведение в США вступило в новый период своего развития, претерпев при этом ряд значительных трансформаций. Старые принципы научного исследования уступили место новым подходам. До 1960-х гг. изучение ислама проходило в рамках традиции, заложенной корпусом ориенталистских исследований, и только с 1970-х гг. инициировался постепенный переход к тому, что принято называть современным исламоведением. Отправной точкой активизации исследований по исламу и мусульманскому миру стало окончание Второй мировой войны, когда США стали активно вмешиваться в дела международной политики. Во многих университетах, начиная с Гарварда и заканчивая Калифорнийским, были открыты центры по изучению религий (как правило, под вывеской ближневосточных исследований) с целью, прежде всего, информа-

ционного обеспечения и подготовки специалистов для правительственных учреждений. Одновременно в 1960-е гг. расширила границы своего предметного поля Американская академия религий (ААР), крупнейшая в мире ассоциация ученых-религиоведов. Наряду с библейскими исследованиями в тематику ее научных проектов были включены восточные религии. С 1986 г. исламоведение стало самостоятельным разделом научной программы ААР [7, с. 896–920].

Решающими в трансформации американских исследований по исламу стали 1970-е гг. Именно в это время в академических кругах США все чаще стали говорить о феномене, известном как «пост секулярная революция», которая, помимо всего прочего, подразумевала возврат к религии как к непосредственному объекту изучения [10, с. 17]. Это было связано в первую очередь с изменением отношения к религии в целом и к исламу и его культуре в частности. Бернард Льюис, известный специалист по истории Ближнего Востока, указывал применительно к этому времени на феномен «возвращения ислама» как на уже свершившийся факт. И действительно, если в 1950-х гг. никто и предположить не мог о возможном всплеске религиозности, то после Иранской революции 1978–1979 гг. для всех, в том числе и для американских исламоведов, стало очевидным, что не только не имеет места затухание религиозного сознания, но наоборот, реальностью становится подъем исламского фундаментализма в странах мусульманского мира, а затем и на Западе. Такое положение вещей потребовало срочного пересмотра концептуальных положений в исламоведении и смежных дисциплинах. В середине XX в. религиоведение преподавалось в основном в частных колледжах; их религиоведческие факультеты вышли преимущественно из семинарий, поэтому неудивительно, что основное внимание уделялось изучению христианства, в лучшем случае иудаизма [7, с. 896–920]. С 1970-х гг. американские исследователи стали более внимательно присматриваться к исламоведческим дисциплинам. С призывом к пересмотру подходов к исследованиям в области социальных и гуманитарных наук обратились ученые-мусульмане, в прошлом студенты американских вузов, которые на протяжении всего XX века постепенно вливались в научные учреждения США. К 1970 гг. они образовали небольшую, но влиятельную группу, которая поставила вопрос об отказе от ориентализма как рудимента эпохи колониализма и призвала активизировать чисто исламоведческие исследования. Этот процесс, как отмечает Джон Уолл, «явился толчком к началу трансформации американского исламоведения с позиций ориентализма в сторону страноведческого подхода, а также смещению акцентов с теологических исследований в пользу религиоведческих» [11, с. 29–45]. Приступив с начала 1980-х гг. к активной разработке новых подходов к науке, в том числе к изучению ислама и мусульман, мусульманские интеллектуалы (И. Фаруки, Т. Дж. аль-Альвани и др.) уже к началу XXI в. стали претендовать на ключевую роль в трансформации американского исламоведения. С позиции критического подхода они особенно

осуждают в нем такие недостатки, как отсутствие всякого интереса к отдельным регионам, «распыленность ислама» между различными дисциплинами, некорректное изучение языков мусульманского мира и, конечно же, превалирование негативных стереотипов в востоковедных исследованиях. Так, американский исламовед Ануар Маджид, проводя критический анализ зарождения и развития исламских исследований в США, обращает особое внимание на борьбу между исламом и Западом как неакадемическую проблему. Он определяет источник конфликта с помощью метафоры исламского гена [8, с. 46].

Что касается географической характеристики тематики исламских исследований в США, то, по мнению представителей «исламизации знания», налицо концентрация внимания лишь на отдельных странах и регионах. Если Ближний Восток представлен достаточно хорошо, то этого нельзя сказать про такие важные регионы мусульманского мира, как, например, Юго-Восточная Азия или Тропическая Африка, которые игнорируются в большинстве исламоведческих центров и изучаются вне исламского контекста. К примеру, африканский ислам очень редко изучается в контексте исламских исследований. Если обратить внимание на предлагаемый исламоведческими центрами спектр дисциплин, то можно заметить, что в основном это курсы по истории, антропологии, языкам, социологии, политическим дисциплинам. Как отмечает в своей критике американского исламоведения С. Х. Наср, «в случае ислама, только наиболее внешние аспекты религии наряду с искаженной историей ислама, рассматриваемой через призму постоянных конфликтов и войн, становились предметом изучения» [9, с. 20]. Такой подход к исламу стал причиной того, что исламские исследования не рассматриваются сегодня в достаточной степени как религиозные. Только два исламоведческих центра США в Темплском (факультет религии, основан в 1961 г.) и Чикагском (Центр им. Мартина Марти, основан в 1979 г.) университетах дают качественную подготовку в области исламоведения. Отдельным аспектом критики американского исламоведения является языковая подготовка, в которой акцент делается на изучение современного арабского языка в ущерб классическому, кораническому. Ситуация же со вторым крупнейшим языком исламского мира, персидским, выглядит еще более плачевной. В американском исламоведении, как правило, игнорируется тот факт, что этот язык долгое время являлся «лингва франка» Азии.

Далеко не все американские исламоведы разделяют изложенную выше критику «исламизаторов знания». Последних довольно часто обвиняют в том, что, выступая против «эпистемологического империализма», они пытаются предложить свою версию империализма, в частности исламского. Вне зависимости от того, является ли концептуальная позиция «исламизаторов знания» ошибочной или нет, их критика американского исламоведения объективно ведет к консолидации его различных ветвей и обращению к исламу как к непосредственному объекту изучения.

Также следует отметить американские школы исследований востока (англ. American Schools of Oriental Research – ASOR). Это организация, объединяющая более 100 университетов, колледжей, музеев США и Канады, участвующих в изучении истории Ближ. Востока. Возникла в 1900 г. как Американская школа изучения и исследования Востока (American School for Oriental Study and Research), в 1921 г. переименована в ASOR по инициативе президента Общества библейской литературы и экзегетики (Society of Biblical Literature and Exegesis) Дж. Г. Тейера, Американского общества востоковедения (American Oriental Society) и Американского археологического института (Archaeological Institute of America). Задачи организации - поощрять исследования ближневосточных древностей, поддерживать археологические раскопки, стимулировать изучение языков и культурных традиций Ближнего Востока, распространять и популяризировать результаты этих работ.

На Ближнем Востоке ASOR основано несколько исследовательских центров: Иерусалимская школа, с 1970 г. Институт археологических исследований им. У. Ф. Олбрайта (Albright Institute of Archeological Research) под руководством американского археолога Ч. Торри; Багдадская школа, основанная в 1923 г., проводила в 1925–1931 гг. раскопки в Иорган-Тепе (древнем Нузи), где был открыт архив клинописных табличек XV в. до Р. Х., в 1926–1927 гг. организовала экспедиции в Телль-Биллу и Тепе-Гавру (юго-восток древней Ассирии), всю 3-ю четв. XX в. велись раскопки в Ниппуре. В 1968 г. для работы в Иордании, разорвавшей дипломатические отношения с Израилем, создали особую школу в Аммане - Американский центр исследований Востока (American Center of Oriental Research), который осуществил раскопки в Баб-эд-Дре и Телль-Хесбане, участвовал в открытии визант. рукописей в Петре Аравийской (1992). После разрыва дипломатических отношений США с Ираком Багдадская школа фактически прекратила существование. В 1978 г. был создан Американский институт археологических исследований на Кипре (Cyprus American Archaeological Research Institute). В посл. трети XX в. исследования ASOR имеют комплексный и многосторонний характер и направлены на изучение древневосточного общества в контексте природной среды, хозяйства, политики, культуры и прочее [12, с. 1–12].

Густав Эдмунд фон Грюнебаум (1 сентября 1909, Вена – 27 февраля 1972, Лос-Анджелес) – австрийский и американский востоковед. Автор многочисленных работ по истории и вопросам ислама, для которых характерен социологический подход. В истории зарождения и развития ислама особое внимание уделяет социально-политическим факторам и в то же время вскрывает важную роль ислама в изменении социальных структур и духовного мира исповедующих его народов. Историю культурной жизни мусульманского Востока оценивает как непрерывное взаимодействие «большой» и «малой» традиций, то есть единого «общемусульманского

идеала» и локальных культур. Показывает несостоятельность представлений о «едином» исламе, о «единой мусульманской цивилизации».

В книге «Islam: Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition» Грюнебаум рассматривает три основные проблемы в исламской цивилизации: рост среди мусульман сознания принадлежности к культуре; единство мусульманской цивилизации, как выражается в литературе, политической мысли, отношении к науке и городской структуре; а также взаимодействие ислама с другими цивилизациями [3, с. 2].

Франц Розенталь (нем. Franz Rosenthal; 31 августа 1914 года, Берлин – 8 апреля 2003 года, Нью-Хейвен, Коннектикут, США) – немецкий и американский востоковед, специалист в области семитских языков, арабской литературы и ислама. Профессор Розенталь был плодовитым и квалифицированным учёным, внёсшим весомый вклад в развитие источниковедческих исследований арабской литературы в США. В 1952 году он выпустил «Историю мусульманской историографии», которая стала первым исследованием этой огромной темы. Розенталь много писал об исламской цивилизации, в том числе о мусульманской концепции свободы, классическом наследии в исламе, самоубийстве в исламе. Также он опубликовал три тома эссе, два тома переводов из истории средневекового арабского историка Ат-Табари. Перу Розенталя принадлежит работа, посвященная исследованию феномена знания в средневековом исламе, – «Торжество знания: Концепция знания в средневековом исламе».

Одной из самых известных работ Розенталя стал аннотированный трёхтомный перевод на английский язык «Мукаддима» («Пролегомены» или «Введение») средневекового арабского философа и историка Ибн Хальдуна (англ. «The Muqaddimah. An Introduction to history»). Во время работы над переводом Розенталь отправился в Стамбул для изучения рукописей, среди которых был автограф Ибн Хальдуна. Такие работы автора, как «История мусульманской историографии» (англ. History of Muslim Historiography) (1952), «Юмор в раннем исламе» (англ. Humor in Early Islam) (1956), «Китаб ал-Ибар...» (англ. «The Muqaddimah. An Introduction to history») (1958), внесли огромный вклад в развитие арабо-мусульманской культуры в США [2].

Среди исламоведов США также следует отметить Джона Льюис Эспозито (англ. John Louis Esposito; род. 19 мая 1940, Нью-Йорк, США) – американский историк, исламовед, профессор Джорджтаунского университета. Является директором Центра мусульмано-христианского взаимопонимания имени Аль-Валид ибн Талала при Джорджтаунском университете. Известен как сторонник прочных мусульмано-христианских связей. Автор более 30 монографий и научно-популярных книг, главный редактор таких фундаментальных научных изданий как: «The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World», «The Oxford History of Islam», «The Oxford Dictionary of Islam» и другие.

Считается одним из основных западных апологетов ислама, популяризировал термин «исламофобия» для обозначения любой критики ислама, которую считает неполиткорректной. В связи с этим Д. Горовиц включил Эспозито в книгу «Профессора: 101 самых опасных учёных Америки [5, с. 141–158].

В своей книге «What Everyone Needs to Know About Islam» автор рассматривает проблемы арабо-мусульманской культуры интерактивно, т.е. отвечает на заданные вопросы большого количества персонала путём их кодификации на определённые тематические проблемы [5, с. 87–116].

Также Эспозито отмечает, что после террористических актов 11 сентября, наблюдается огромный спрос к сведениям об исламе. В качестве ведущего эксперта, Джон Эспозито как призванный исламовед, беседовал с широкой аудиторией, в том числе и с членами Конгресса, администрацией Буша, правительственными учреждениями, военными, а также средствами массовой информации. Из этого вышесказанного опыта, он определил наиболее актуальные вопросы об исламе. Книгу «What Everyone Needs to Know About Islam» Эспозито представляет в формате вопрос-ответа, где предоставляет информацию о том, что большинство количество интересующихся хотят знать. Эспозито предоставляет краткие, доступные, чувствительные, и даже двуручные ответы на вопросы: «На что верят мусульмане?» и «Кто был Мухаммад?»... Каково мнение мусульман на счёт иудаизма и христианства? «Являются ли женщины второстепенными в исламе?» «Что такое джихад?», «Оправдываем ли Коран с терроризмом?», «Что ислам говорит о гомосексуальности, контроля рождаемости, аборт и рабства?», Эспозито является редактором Оксфордской энциклопедии современного ислама и Оксфордской истории ислама и многих других известных работ, Эта краткая и общедоступная книга является первым источником для поиска информации о вере, обычаях, и политических верованиях более одного миллиарда людей, которые называют себя мусульманами [5, с. 1].

Глобализация предполагает сближение народов, решение их общих проблем, однако она приводит и к противопоставлению, столкновению религий, культур и цивилизаций. Сближению народов США с арабо-мусульманским миром и культурой способствуют именно такие научные достижения в сфере исламоведения, используемые во благо всего человечества. Ведь не зря Э. Тейлор говорил: "Культура... это некоторое сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества". Посредством изучения арабо-мусульманской культуры можно коренным образом более близко ознакомиться и приблизиться к арабскому миру в целом, посредством чего и смягчится не столь умеренная обстановка исламского мира в США.

Библиографический список

1. Академия религии. 2010. Том 78, № 4. С. 897.[in English]
2. Википедия. Британская Академия. Режим доступа: URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C_%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86#.D0.92.D0.BA.D0.BB.D0.B0.D0.B4_.D0.B2_.D0.BD.D0.B0.D1.83.D0.BA.D1.83
3. Грюнебаум Г. Е. Ислам: Очерки природы и роста культурной традиции. Издательство Кессинджер, LLC (25 июля 2006). Ч.2. [in English]
4. Хоровитз Д. Профессора: 101 Самые опасные Академики в Америке. - издательство Regnery, 2013. - С. 141-158.
5. Джон Л.Э. Что должен знать каждый в Исламе. Oxford University Press, 2002. с. 87-116.
6. Кинг П. J. Совместное использование результатов научных исследований // Слово Господне, отойдут. Winona Lake, 1983. С. 1-12.
7. Мартин Р.С.. Исламоведения в Американской академии: Личный Отражение // Журнал американской религии. 2010. Том. 78, № 4. С. 896-920. [in English]
8. Маджид, А. Донкихотский Задание: В поисках ислама // Государство исламоведения в американских университетах. Херндон, штат Вирджиния: Международный институт исламской мысли. С. 46.
9. Наср С.Х. Происхождение и развитие исламоведения в .Америке: резидент США Исторический обзор тенденций и институтов // Государство исламоведения в американских университетах. Херндон, штат Вирджиния: Международный институт исламской мысли. С.20.
10. Шмальзбауэр, Дж. Американские ученые Вернуться к изучению религии // контексты. 2008. Том 7, № 1. С. 17.
11. Фолля Дж..О. Изменение западных подходов к изучению ислама // Государство исламоведения в американских университетах. - Херндон, штат Вирджиния: Международный институт исламской мысли. С. 29 - 45.
12. Райт Г. Е. Феномен американской археологии в Ближнего Востока // ближневосточной археологии в двадцатом веке. Garden City (N. Y.), 1970. С. 3-40

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЗИАТСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ СО СВОИМИ СОСЕДЯМИ В XIX – НАЧ. XX ВВ. (на материалах сибирского купечества)

И. О. Собенникова

Специалист,
г. Москва, Россия

Summary. This article contains material relating tea traders between Russia and China on the examples of Zabaykalskie (Siberian) trading houses. It also refers to the work of the Imperial Russian Geographical Society and a rich local history museum, which contains a unique collection of minerals, archaeological and ethnographic materials related to the Asian region. It exhibits ordered by Russian merchants in China tea box with their shopping malls. In general, the article focused on the opening theme for the relations between Russia, Asia and Europe in the commercial, scientific and cultural relations. Of particular interest are the data on kinship Siberian merchants with a German professor, scholar Rudolf Schlechter (d. 1925), which is in honor of his Russian wife named several species of orchids discovered by him. This article contains material from the home archive descendants of Russian tea merchant Siberia.

Keywords: Asian region; minerals; archaeological and ethnographic materials.

Восточная и Западная Сибирь, это крупнейшие части Азиатской России. А город Кяхта, расположенный на самой границе России с Монголией (бывшим Китаем), центральная точка Забайкалья, которая на протяжении XVIII, XIX и начала XX века была местом притяжения, как торговых людей, так и людей науки и культуры.

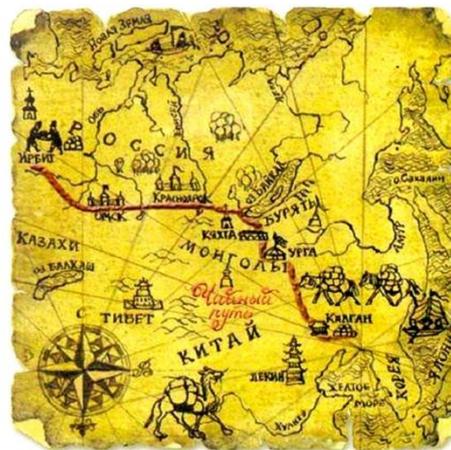

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 1. Карта Забайкалья с указанием Кяхты. Источник:
<http://www.predistoria.org/forums/index.php?PHPSESSID=d3ae91c2a9b1680ec50375a84b15352d&topic=240.75>

Рис. 2. Карта Великого чайного пути. Источник:
<http://www.visitburyatia.ru/places/section-136/item-848/> Великий Чайный путь.

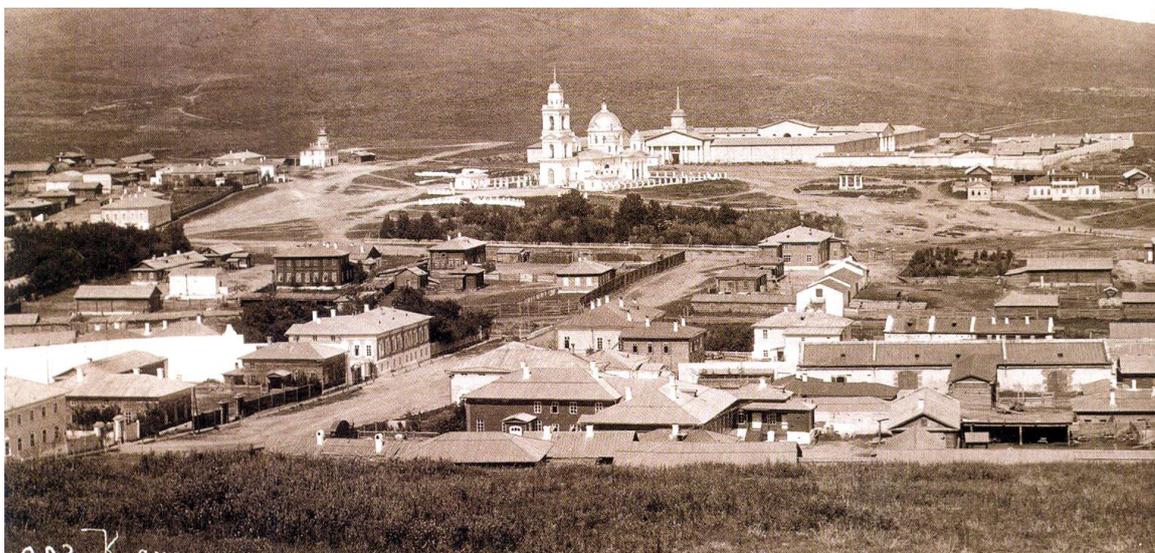

Рис. 3. Торговая слобода Кяхта второй половины XIX века.
Источник: Кяхта. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток
(в 1890 - 1891). Авт. Кн. Э.Э. Ухтомский. Ч. 4. Спб. 1895. Стр. 194.

И, хотя сейчас XXI век, мы все равно опираемся на сделанное ранее, поднимаем тот пласт исторический и мемуарный, который забылся или не был известен, но, который так необходим для дальнейшего развития отношений между Востоком и Западом.

Трудно выделить, что было важнее для наших взаимоотношений, но началось все с торговли, когда на месте приграничного пункта России и Китая 1727 года, образовалась торговая слобода в 1747 году, и постепенно пошла развиваться торговля, которая к середине XIX века достигла своей кульминации и приносила громадные прибыли российскому купечеству. Все практически, жившие и торговавшие на границе с Монголией-Китаем, становились миллионерами. 20–30 семей имели все или почти все. Их жены и дочери одевались в наряды с Кузнецкого моста в Москве [7].

Это был чайный бизнес, который в середине XVIII века уже составлял одну из главных статей торговли с Китаем, а через кяхтинскую таможенную проходило до 30 с половиной миллионов фунтов байхового чая (до 150 тысяч ящиков). [3]

Есть сведения, что кяхтинский чаоторговец, основатель ТД "Собенников и бр. Молчановы", Собенников В.А. ездил в Тайвань налаживать торговые связи. В 1890–1900-е годы (по данным специалиста по чаоторговле И. А. Соколова) был пик интереса к формозским чаям. "В это время баочжуны (колониальное название – Формоза) начали возить оттуда".

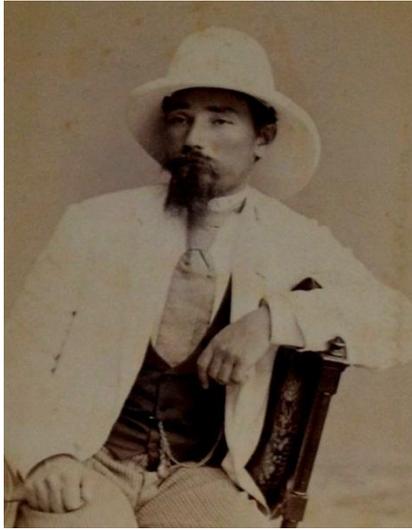

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 6. Собенников В. А. Кяхтинский купец 1 г., основатель ТД "Собенников и бр. Молчановы". Начало 1890-х. Тайвань. Источник: домашний архив.

Рис. 7. Собенников В. А., Потомственный Почетный гражданин г. Кяхта в конце 1890-х. Источник: домашний архив.

К концу XIX века, в крохотном Троицкосавске, граничащем с ещё меньшей по размерам торговой слободой Кяхта, совместно проживало всего с десяток тысяч человек, но торговых домов было несколько десятков.

На противоположной, китайской стороне, стоял город китайских купцов Маймачень, где в лучшие для торговли времена находилось до 4 тыс. китайских торговцев.

Товар обменивался на русские меха, которые высоко ценились в Китае, а Россия познакомилась с новым напитком – чаем, который до первой половины XVIII века не был ей известен. Русские предприниматели также везли в Китай сукна, нанку, плис и тому подобное, выработанные московскими фабрикантами.

Для торговли требовалось и знание языка. Китайцы посылались в г. Маймачень только те, что уже могли как-то понимать и общаться на русском. Русские опаздывали, но открывали школы китайского языка и некоторые предприниматели им владели.

Рис. 4

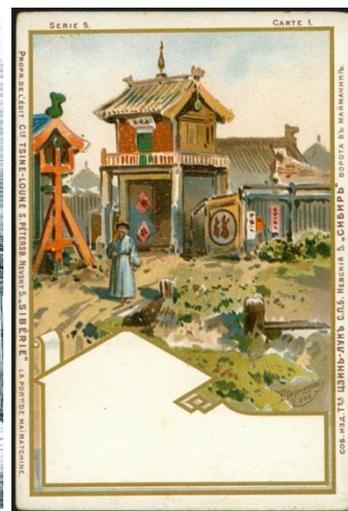

Рис. 5.

**Рис. 4. Китайский город на границе России и Китая – Маймачень.
Улица в Маймачене в XIX веке.**

**Источник: Живописная Россия. Т.10. Под ред. П. П. Семенова. Спб. 1885.
Рис. 5. Открытка, выпущенная Товариществом кяхтинских чаеоторговцев.**

Вход в китайский Маймачень.

**Источник: Сибирь. Цзинь-Лунь & Коковин и Басов в Кяхте.
<http://www.filokartist.net/forum/viewtopic.php?p=90710>**

Количество ввозимого в Россию чая из-за возрастающего спроса на него было так велико, что оптовые ярмарки по всему пути от Кяхты в Центральную Россию имели специальные чайные павильоны, а на Нижегородской ярмарке стояли китайские павильоны в их национальном стиле.

**Рис. 8. Китайские ряды в Нижнем Новгороде, на открытии ярмарки в 1873 году.
Источник: Всемирная иллюстрация. Т. 10, стр. 133. Спб. 1873.**

Обе страны, Россия и Китай взаимно экономически выигрывали от развития чайной торговли. В Китае, в Хань-коу существовал европейский квартал, где располагались торговые фирмы европейские и русские. Здешняя небольшая русская колония существовала с конца 1860-х годов [4].

Одна из русских торговых фирм, ТД "Молчанова, Печатнова и К", владел своей фабрикой с производством кирпичных и плиточных чаев и нанимал до 1000 рабочих.

Некоторые русские торговые дома имели свои представительства в Хань-коу, Фу-чжоу, Тянь-цзине, Кяхте, Москве [5].

Здесь, на территории Китая, русские подданные принимали Наследника российского престола Великого Князя Николая во время его путешествия по Востоку (1890–1891 гг.) и проезда по Китаю. Тогда город был украшен вереницею транспарантов с вензелями и надписями: "Добро пожаловать!", "Слава Русскому Царю!" и т. д. [6].

В предгорьях Тибета, в провинции Алашань, на юге пустыни Гоби, неподалеку от города Дин-юань-инь располагался ТД "Собенников и бр. Молчановы", торгующий скобяными товарами в обмен на шерсть, что шла на свои кожевенные заводы.

Крупные торговые кяхтинские дома переносили свою деятельность на всю Россию и, к примеру, в конце XIX века был хорошо известен петербуржцам чайный магазин "Цзинь-Лунь" в самом начале Невского проспекта, принадлежавший Товариществу Кяхтинских чаоторговцев, включающего в себя оптовый склад чая и сахара в Санкт-Петербурге при Правлении и восемь розничных магазинов под этим же названием. Кроме того, склады и отделения имелись: в Одессе, Москве, Варшаве, Киеве, Харькове, Риге, Вильно, Екатеринославле и на Нижегородской ярмарке [17].

Товариществом даже выпускались открытки с видами Центрально-Азиатского региона, чайного пути в Россию, который был совершенно не знаком большинству населения европейской России и, которые никогда не были даже в Сибири. Так, купцы помогали людям ознакомиться не только с Сибирью, но и соседними к ней территориями. Открыток таких было выпущено более сотни и заказаны они были художникам Овсянникову и Каразину [18].

**Рис. 9. Реклама "Товарищество кяхтинских чаоторговцев".
Источник: Национальный музей Республики Бурятия. г. Улан-Удэ.**

Кроме того, чайные предприниматели делали на заказ в Китае коробки для своих чаев и несколько таких образцов, принадлежавших ТД "Собенников и бр. Молчановы" показаны в краеведческих музеях России.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 10. Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева. Фото автора.

Рис. 11. Шкатулки русских чаоторговцев из музеев Бурятии.

Источник: Кяхтинский краеведческий музей им. В. А. Обручева.

До сегодняшнего дня в Кяхте существует уникальный краеведческий музей при Русском Географическом Обществе. Он одинаково интересен и китайцам и монголам, нашим соседям, и всем остальным, кто в состоянии добраться до Забайкалья. Музей, открытый в 1890-е при помощи и при со-

действии местного купечества, разросся до больших размеров и имеет не только одну из самых крупных археологических коллекций России, но и бытовые и культовые вещи из Монголии и Китая.

Его с удовольствием и интересом посещали гости, находящиеся проездом через Кяхту. Среди них известный венгерский ученый граф Евгений Зичи со своей экспедицией (1900 год). "Он был заинтересован особенно отделом археологии музея", имевшего в своей коллекции экспонаты схожие с находками в Венгрии [8].

Направляясь в Юго-Восточную часть Азии в Индонезию, в Новую Гвинею, немецкий путешественник, географ и ботаник конца XIX века – первой четверти XX века профессор Рудольф Шлехтер (1872–1925) [19], также побывал в Кяхте и Троицкосавске. Близкое знакомство с местной купеческой семьей привело к тому, что он впоследствии стал зятем купца Собенникова В.А., чья старшая дочь Александра (1887 – после 1939 Берлин) в начале 1910-х годов покинула Россию и поменяла место жительства на Германию. В её честь, ученым, который в основном занимался орхидеями, были названы несколько открытых им видов, которые соответственно получили названия *Sobennikoffia humbertiana* и *Sobennikoffia robusta* [20] Кстати, впоследствии появился вид орхидей в честь его дочери Юлия (Julia).

Рис. 12. Орхидея Sobennikoffia robusta.

Источник: <http://www.ruorchids.ru/fora/viewtopic.php?t=655#p35557>

**Рис. 13. Профессор Рудольф Шлехтер с семьей. Германия. 1924 год.
Professor Rudolf Schlechter with his family. Источник: домашний архив.**

Забайкалье, районы граничащие с Китаем, насыщены древностью в археологическом, этнографическом и геологическом отношениях и, поэтому место это было выбрано для открытия здесь в 1894 году Троицкосавско-Кяхтинского отделения Императорского Российского Географического Общества.

Председательствовали местные культурные купцы и ученые. Многие, проживающие в Кяхте и Троицкосавске являлись действительными членами ИРГО, а это означало, что они поддерживали материально научные открытия, выпуски Трудов ИРГО и оказывали всяческую поддержку по линиям научных открытий и сохранения культурного наследия близлежащего азиатского региона. Именно эти люди внесли неоценимый вклад в развитие взаимоотношений и в процесс интеграции цивилизаций.

Музей пополнялся интересными коллекциями, отдельными экземплярами в виде пожертвований. В трудах Троицкосавско-Кяхтинского Отделения ИРГО можно ознакомиться как с фамилиями жертвователей и перечнем вещей ими подаренных, так и с археологическими находками, выступлениями людей, которые изучали и собирали монгольский фольклор и легенды, интересовались ламаистской религией и монастырями.

В трудах помещены отчеты о геологических исследованиях во время экспедиций внутрь Китая. Все это показывает серьезный интерес русских к своим восточно-азиатским соседям. Можно привести несколько интересных примеров, которые наглядно показывают как происходило проникновение одной культуры в другую.

Лето 1900 года. Научная экскурсия внутрь Китая (Монголию) по р. Джиде и на оз. Косоголь членов местного отделения РГО Собенникова В. А. и Михно П. С. Топографические съемки в бассейне р. Джиды; пополнилась коллекция музея: по зоологии на 215 экземпляров, по ботанике на 177 и по геологии на 56 [9].

14 марта 1912 года. Сообщение "Бурятская легенда о Чингис-хане в связи с названием местностей Забайкалья и сопредельной Монголии" (Я. С. Смолев) [15].

31 января 1912 года. Доклад о "Происхождении буддийского религиозного обряда "Дзуль" (Я. С. Смолев) [14].

Пожертвования: камень с несторианской надписью, найденный при раскопках в местечке Кигель в 12 верстах от Хордосского таможенного поста на китайской территории, близ Суйдуна (от В. В. Гмырина) [12], обломок топаза и щетки горного хрусталя из г. Урги (Монголия) (от М. М. Смирнова) [11], камень с санскритской надписью, найденный вблизи г. Маймаченя (от П. С. Михно) [16], китайские вещи из Калгана (курильница, подсвечники, вазы 5 шт., употребляющиеся при жертвоприношении, 4 муз. инструмента и др. (от А. М. Коковина) [9].

Чаеоторговцы пополняли музей экспонатами, имеющими отношение к чайной торговле.

Ценные, часто очень редкие печатные издания хранит библиотека при ИРГО, которая состояла из подаренных единичных экземпляров: "Карта распределения народностей Центральной Азии", так называемой Татарии, до XIII века, до времен Чингиз-Хана, составленная по древним источникам в увеличенном масштабе (от Ю. Д. Талько-Грынцевича) [13]; великолепная, теперь раритетная книга, изданная купеческим сыном Г. М. Осокиным "На границе с Монголией", Киев, 1907; Китайские, Манчжурские, Монгольские, Иллирийские, Корейские, Японские и Анньнанские неизвестные монеты, медали, ассигнации, меняльные билеты, золотые и серебряные слитки (от Г. М. Осокина) и многое другое.

Деятельность Троицкосавско-Кяхтинского Отделения ИРГО была отмечена не только на территории России; работой этого отделения интересовались в Европе, Америке и даже Австралии. Так, только в 1901 году Отделение обменивалось изданиями со 110 учеными обществами и учреждениями, из них 88 в России и 22 за границей (Краков, Упсала, Прага, Берлин, Лондон, Нью-Йорк, Вашингтон, Рим Париж, Львов [10].

Контакты были даже с Австралийским континентом – Сиднеем [8].

И это говорит о высоком потенциале Русского Географического Общества, влияющего на обогащение международных исследовательских работ как научного характера, так культурного и исторического.

Через Кяхту, приграничный пункт, устремлялись вглубь Центрально-Азиатского региона послы и ученые. Пржевальский, Потанин, Обручев, Козлов и многие другие - не миновали Кяхты.

Благодаря их экспедициям были пополнены коллекции восточных отделов русских музеев, а историки, этнографы, археологи, географы получили уникальные материалы для своих исследований.

Один только путешественник XIX – нач. XX вв. П. К. Козлов, сделал несколько экспедиций внутрь Центрально-Азиатского региона, выпустил ряд своих трудов, которые невозможно переоценить. Его работы выходили и в Европе, печатались в "Земледелии" в Германии.

Несмотря на отдаленность Забайкальского района от Европейской части России, многие местные купцы посылали своих чад в сторону Запада для получения образования, по разным специальностям.

Так, купеческий сын И. А. Молчанов (ум. 1945), одно время учился в Германии в Фрайберской горной академии; продолжил образование в Томском технологическом институте, член ИРГО с 1909 года; под руководством В. А. Обручева вел исследования золотоносных районов северо-восточной части Монголии. Там он выполнил геологическую съемку Кентейского хребта и составил первую в истории геологическую карту районов Монголии, примыкающих к России. Результаты проведенных им исследований были опубликованы в Трудах Императорского Русского Географического Общества, и их автор стал действительным членом общества в 1909 году. В 1913 году он изучал древнее оледенение в Хантае [2].

Младший брат купца Собенникова В. А., сибиряк, уроженец Кяхты, Вадим Алексеевич Собенников (1870 – Харбин в нач. XX века), окончивший курс наук в государственной коллегии штата Мичигана в США и получивший степень балаклавра наук, в 1898 году вернулся на родину [1]. Конечно, кроме торговли, научных открытий, обучения за рубежом и прочих контактов между Азиатским и Европейским регионами, существовал ещё туризм. Независимо от таких дальних расстояний в 6 тысяч километров, люди из Сибири ездили в Европу, расширяли кругозор свой и своих детей.

А для воспитания хороших манер, свободного знания иностранных языков, выписывались из Европы учителя домашние. Так, многие дети купеческого сословия из далекой Сибири, были прекрасно воспитаны и знали по несколько языков. Причем, знали их хорошо.

Таким примером может служить младший сын вышеупомянутого купца Собенникова В. А. – Ор Васильевич Собенников (1898–1968). Этот человек дополнительно окончил американские курсы английского языка в Москве, учился в московском университете на Моховой на физико-математическом отделении и после 1950-х годы возглавил кафедру иностранных языков Уральского политехнического института в г. Свердловске. Насколько мне известно, именно его приглашали на встречу иностранных гостей в качестве переводчика, когда они, хоть и редко, появлялись в этом закрытом городе, поскольку ни у кого больше не было соответствующей разговорной практики.

Рис. 13.

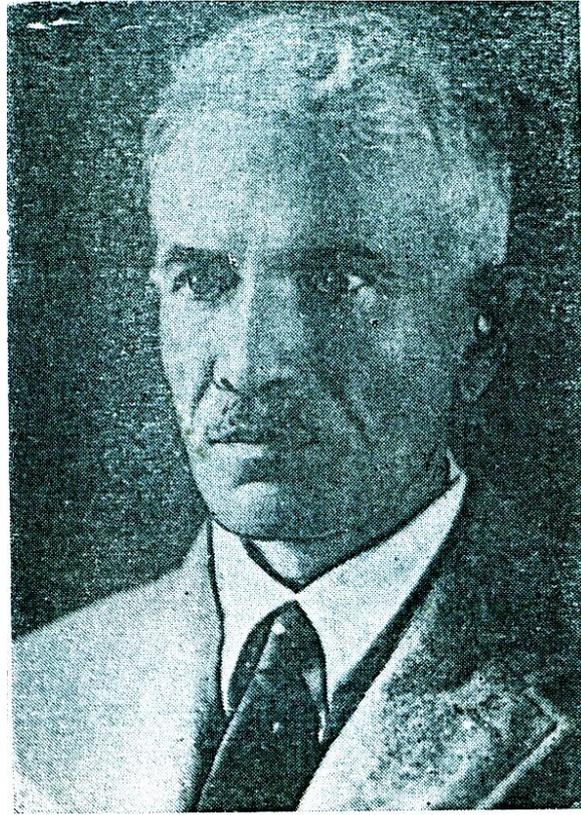

Рис. 14.

Купеческие дети. Источник: домашний архив.

Рис. 14. Собенников Ор Васильевич (1898–1968) – доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Уральского политехнического института.

Фото с доски почета УПИ. 1960-е годы.

Рис. 15. Молчанов И. А. (ум 1945) геолог, член ИРГО с 1909 года.

Мы углубились в историю и говорим об исторических лицах, но на самом деле все то прошлое входит в единую систему общественной деятельности на Земле, а мы сами часть международного сообщества.

Библиографический список

1. "Восточное обозрение", газета от 5 апреля № 41. Иркутск. 1898.
2. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX - начале XX веков. Иркутск. 1994.
3. Живописная Россия. Т. XII. Восточная Сибирь. Спб. М. 1895.
4. Путешествие по Китаю (1874 - 1875гг) (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-западный Китай). П.Я. Пяецкого. Т. 1, 2, М., 1882.
5. Путешествие по Китаю (1874 - 1875гг) (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-западный Китай). П.Я. Пяецкого. Т. 3., М., 1882.
6. Путешествие на Восток его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890 -1891. Авт. Э.Э. Ухтомский. Ч. 3, Спб. 1893.
7. Скубневский В.А. Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. ст. Барнаул. 2005. Статья Жирова А.А. стр. 139. Купеческая слобода Кяхта и её обитатели. (Фрагменты истории повседневности).

8. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО, Т.1, вып. 3, 1900. М. 1900.
9. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.Ш, вып. 2-3, 1900. Иркутск. 1902.
10. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.1V, в.2, за 1900. М. 1901.
11. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.1V, вып.2, 1901. Спб. 1902.
12. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т. VII, вып. 1, 1904. Спб. 1905.
13. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.Х, вып.1, 2, 1907. Спб. 1909.
14. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.XV, вып. 2, 1912. Спб. 1913.
15. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.XV, вып. 3, 1912. Спб. 1914.
16. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского Отдела ИРГО. Т.XV, вып. 3, 1912. Спб. 1914.
17. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. Спб. 1905.
18. <http://www.filokartist.net/forum/viewtopic.php?p=90710>
19. Сибирь. Цзинь-Лунь & Коковин и Басов в Кяхте. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%BB%D0%B5%D1%85%D1%82%D0%B5%D1%80,%D0%A0%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%84>
20. Фри́дрих Риха́рд Рудо́льф Шле́хтер (нем. Friedrich Richard Rudolph Schlechter, (16 октября 1872, Берлин, - 15 ноября 1925, Берлин) - немецкий путешественник, географ и ботаник конца XIX века - первой четверти XX века.
21. <http://www.ruorchids.ru/fora/viewtopic.php?t=655#p35557>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы

7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844, • РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832,
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725,
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75,
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742,

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Social Sciences and Psychology, Baku State University
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Tashkent Islamic University

PEOPLES OF EURASIA: HISTORY, CULTURE AND INTERACTION PROBLEMS

Materials of the VII international scientific conference
on April 5–6, 2017

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 18.04.2017
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 7,5.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz